

на правах рукописи

МАКАРОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

**ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИКАМЬЯ
В X-XV ВЕКАХ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук   Никитина Татьяна Багишевна

Доктор исторических наук   Руденко Константин Александрович

Доктор исторических наук   Савельева Элеонора Анатольевна

Ведущее учреждение – ГОУ ВПО «Пермский государственный университет им. А.М.Горького»

Защита состоится   декабря 2006 г. в   часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г.Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан « ____ » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук, доцент

Журавлева Г.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одной из важных особенностей российской цивилизации, ярко отразившейся на истории страны, является расселение древнерусского населения на Восток. Можно сказать, что его миграция за пределы территории Древней Руси является основным содержанием исторического процесса в первой половине II тысячелетия нашей эры. Сам по себе процесс расселения есть объективный признак проблем народонаселения, вызванных природными, социальными, демографическими, политическими и другими причинами. Одним из тех регионов, куда мигрировали выходцы из Древней Руси, был бассейн реки Камы, заселенный пермскими, угорскими и тюркскими народами. Как взаимодействовали различные этносы и религии в ходе этого процесса? Чем обогатили друг друга? С какими проблемами сталкивались? Дискуссии по этим вопросам не утихают вот уже в течение трех столетий. Поэтому решение проблем изучения процессов заселения и освоения одного из крупнейших регионов страны, в том числе путем сопоставления сообщений письменных источников и данных археологии, является чрезвычайно важной и актуальной задачей. Это весьма значимо как для понимания исторической динамики Русского государства в целом, так и конкретной исторической ситуации в Прикамье в первой половине II тысячелетия нашей эры. Целостное исследование данной проблемы приобретает в современных условиях социальный смысл, поскольку осложнения в межнациональных отношениях порождают порой политизацию и идеологизацию событий, происходивших в древности, что совершенно недопустимо и что делает рассматриваемую тему еще более актуальной. Особенно важно это для региона, характеризующегося в целом толерантностью обитающих здесь народов.

Объектом исследования является древнерусское население эпохи средневековья в процессе заселения окраин Руси.

Предмет исследования – древнерусское население Прикамья в X-XV вв. по данным археологии и письменным источникам.

Территориальные рамки исследования охватывают бассейн р. Камы, с древнейших времен являющейся частью Великого Волжского пути, связывавшего Запад и Восток, Север и Юг прочными и всесторонними связями. Рассматриваемая область издавна была заселена финно-угорскими народами и представляла интерес для двух крупнейших государств Восточной Европы – Древней Руси и Волжско-Камской Болгарии.

Камский бассейн традиционно подразделяется на несколько локальных регионов, имеющих свою географическую и историческую

специфику. Это Нижнее Прикамье с прилегающими к Волге территориями, бассейн р.Вятки, Верхнее Прикамье, Юго-Восточное Прикамье, включающее в себя бассейн Сылвы, Среднее Прикамье и бассейн Белой. Этим делением и обусловлена структура диссертации.

Хронологические рамки исследования. Нижние границы исследования связаны с первыми сообщениями арабских письменных источников о появлении в начале X в. в болгарских поселениях выходцев из Древней Руси, а также летописными сведениями о торговых договорах 985 и 1006 гг. между Киевской Русью и Волжской Болгарией. Верхняя граница исследования – XVв. – несколько размыта, поскольку обусловлена особенностями освоения разных районов Прикамья древнерусским населением, а также связана с завершением ордынского периода и формированием единого Российского государства.

Степень изученности. Вопросы древнерусского заселения Прикамья рассматривались многими авторами на основе анализа письменных источников. В качестве полноценного источника данные археологии для изучения темы стали использоваться с середины XX в.

По Нижнему Прикамью древнерусские материалы анализировались в контексте истории Волжской Болгарии А.П.Смирновым (1948, 1951, 1968), Т.А.Хлебниковой (1956, 1984), Е.П.Казаковым (1983, 1986, 1991), Е.А.Беговатовым (1983, 1990, 1991), Ф.Ш.Хузиным (1986), С.И.Валиуллиной (1983, 1986, 1991а, 1998, 2001а, 2004), А.Ф.Кочкиной (1986), И.Н.Васильевой (1988, 1993), Н.А.Кокориной (1991, 1995, 2002), И.В.Якимовым (1992, 1994), К.А.Руденко (1992, 2000, 2001, 2002а, 2004). Основательное обобщение древностей Волжской Болгарии (Болгара, Биляра, Джукетау, Иски-Казани и селищ низовий р.Камы) сделала М.Д.Полубояринова (1993).

Древнерусские находки Вятского края связаны с деятельностью А.А.Спицына в конце XIX – начале XX в. (1881, 1893). Во второй половине 1950-х гг. раскопками Л.П.Гуссаковского получен богатый материал, который, к сожалению, не был опубликован. Эти данные были значительно пополнены раскопками автора на более чем 10 памятниках и обобщены им (Макаров Л.Д., 1985). В последующие годы изысканиями автора, а также Л.А.Сенниковой (1993), Н.А.Лещинской (1985, 1986, 1987), В.В.Ванчикова (1991, 1994), Д.А.Салангина (1999) были получены новые древнерусские материалы, часть которых была опубликована. Краткое обобщение всех вятских материалов с учетом новых данных опубликовано автором (Макаров Л.Д., 2001).

Древнерусские находки бассейна р.Чепцы исследовались Н.Г.Первухиным (1896), А.А.Спицыным (1893), А.П.Смирновым (1952) и

В.Ф.Генингом (1962), но основной их фонд был получен раскопками М.Г.Ивановой (1992, 1998). Их анализ был проведен Л.Д.Макаровым (1997, 2001, 2004а, 2005б), А.Г.Ивановым (1998), и Д.А.Салангиным (1995).

Сведения о древнерусских находках в Верхнем Прикамье накапливались стараниями Теплоуховых и публикациями А.А.Спицына (1902) и были учтены в сводке И.А.Талицкой (1952). Последующие раскопки В.А.Оборина позволили обобщить материалы русских памятников региона (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958; Оборин В.А., 1956; 1977; 1990; 1998; Белавин А.М., Оборин В.А., 1986; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989; Макаров Л.Д., 1997, 1999; 2001).

Сылвенские древности XII-XVI вв. изучены Л.Д.Макаровым, И.Ю.Пастушенко и Д.А.Салангиным (1995). Результаты работ в бассейне Белой, проведенных в 1980-е гг. А.И.Лебедевым, проанализировали Г.Н.Гарустович (1998) и Л.Д.Макаров (2001, 2003в). Древнерусские находки в Среднем Прикамье, известные по раскопкам Ф.Д.Нефедова (1899), Е.П.Казакова (1978), Т.И.Останиной (2002), Г.Н.Журавлевой (1984), Т.К.Ютиной (1990), Д.А.Салангина (1997, 1998, 2002), а также сборам И.Г.Шапран (1985) и В.В.Опарина (1984), кратко обобщались автором (Макаров Л.Д., 1997; 2001; 2003в; 2005а).

В итоге собран корпус древнерусских археологических материалов (поселений, могильников, кладов, отдельных находок) Прикамья. Но его характеризовала, прежде всего, фрагментарность данных по регионам и отсутствие целостного анализа, не позволявшего до сих пор получить всестороннего представления о древнерусском населении региона.

Цель данной работы – исследование особенностей процессов расселения выходцев из Древней Руси и уклада жизни населения в разных районах Прикамья в X – XV вв. по данным археологии и письменным источникам.

Задачи исследования:

1. Вычлнить и проанализировать древнерусский компонент в памятниках археологии Нижнего Прикамья;
2. Дать всестороннюю характеристику древнерусским археологическим памятникам Вятской земли;
3. Исследовать древнерусские археологические материалы Верхнего Прикамья;
4. Проанализировать древнерусскую материальную культуру юго-восточных районов Прикамья – бассейнов Сылвы, Белой, Среднего Прикамья;

5. На основании изучения данных археологии и письменных источников дать характеристику уклада жизни древнерусского населения, особенностей, динамики и характера процесса его расселения на восточной периферии Русского государства по материалам Прикамья.

Источниковая база исследования. Основным источником исследования стали археологические материалы. Прежде всего, это результаты полевых исследований автора на Вятке и Средней Каме в 1976-1995 гг., часть которых была опубликована (Макаров Л.Д., 1984, 1984а, 1990, 1991, 1993в, 1994а, 1995б, 1995д, 1995ж, 1995з, 1996, 2000, 2001а, 2001б, 2003, 2003а, 2003б, 2005, 2006). В процессе разработки темы автор анализировал и публиковал древнерусские материалы Нижнего Прикамья (Макаров Л.Д., 1997), Вятского края (Макаров Л.Д., 1997), бассейна Чепцы (Макаров Л.Д., 1997), Верхнего Прикамья (Макаров Л.Д., 1997, 1999; 2001), Среднего Прикамья (Макаров Л.Д., 1997) и бассейна Сылвы (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995; Макаров Л.Д., 1997). Изучены научный архив и коллекции Института истории и культуры народов Приуралья в Удмуртском университете, фонды кабинета археологии Пермского университета, музея археологии Казанского университета, материалы фондов Национального музея Удмуртской Республики, Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Института истории АН Республики Татарстан, Национального музея Республики Татарстан, Национального музея Республики Башкортостан, Кировского областного краеведческого музея, некоторых районных музеев Кировской области и Удмуртской Республики, частные коллекции. Активно использовались опубликованные материалы.

В общей сложности было учтено 293 памятника бассейна р.Камы с древнерусскими материалами, в том числе 86 – в Нижнем Прикамье, 83 – в бассейне р.Вятки (54 – на Средней Вятке, 29 – на Чепце и по верхнему течению р.Вятки), 80 – в Верхнем Прикамье, 44 – в Юго-Восточном Прикамье (19 – на Сылве, 16 – в Среднем Прикамье, 9 – в бассейне р.Белой). В числе этих памятников 64 городища, 100 селищ, 48 могильников, 56 местонахождений, 24 клада, 1 пещера. При этом поселенческие материалы обнаружены на 166 памятниках, импортные – на 127 (предметы импорта обнаруживались и на объектах с признаками пребывания на них выходцев с территории Древней Руси).

Археологические материалы дополнялись данными письменных источников. В их числе автор исследовал русские летописи, акты, материалы, великокняжеские грамоты и договоры, митрополичьи

грамоты, местные исторические сочинения, агиографические источники, переписные материалы (Макаров Л.Д., 1985а, 1992, 1994в, 1995е, 1996в, 2000ж, 2000з.) Изучались сочинения восточных (Макаров Л.Д., 2002) и западноевропейских (Макаров Л.Д., 1987б, 1987д) авторов, иностранные карты (1992е, 2000б, 2000и, 2002в, 2006ж). Разработки специалистов позволили использовать также данные языкознания, фольклористики, этнографии, антропологии, остеологии, палеоботаники, металлографии.

Методологическая основа исследования базируется на комплексном подходе, который включает в себя: 1) использование массового материала с последующей его систематизацией; 2) всесторонний охват памятников различных категорий; 3) привлечение данных других наук – исторических (письменные источники), картографических, этнографических, лингвистических (язык, диалектология, ономастика, фольклор), биологических (антропология, остеология, палеоботаника), физико-химических (металлография).

Для решения конкретных задач применялись различные методы. Исследование письменных источников предполагает использование текстологического анализа; рассмотрение данных археологии – формально-типологического и сравнительного, картографирования, статистических подсчетов. Особое значение в работе имеет территориальный метод, позволяющий увидеть специфику материальной культуры того или иного региона исследуемой территории. Совершенно очевидно, что история заселения одной из важнейших областей Русского государства – Прикамья, заслуживает самого пристального внимания и всестороннего изучения всеми возможными методами.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии проведено исследование процессов расселения выходцев из Древней Руси в Прикамье в X-XV вв. При этом проанализирован и обобщен в полном объеме древнерусский материал памятников региона. В научный оборот введены археологические источники ранее неизвестных или слабо изученных ареалов древнерусского расселения. Так, удалось вычленить из массива собственно болгарских материалов древнерусский компонент в археологических материалах Нижнего Прикамья и провести его последовательный анализ. Дана всесторонняя характеристика древнерусских памятников Вятской земли и указаны включения местного пермского элемента в русской материальной культуре. Проанализирована древнерусская материальная культура археологических памятников Верхнего Прикамья, в составе которой отмечено влияние местного пермского компонента. Собраны и обобщены немногочисленные

древнерусские материалы археологических памятников Юго-Восточного Прикамья. В результате анализа источников выявлены особенности заселения отдельных районов изучаемой территории. Автор пришел к убеждению о преобладании мирного характера взаимоотношений между выходцами из Древней Руси и местными жителями, о чем говорят материалы смешанного славяно-финно-пермского облика, свидетельствующие о взаимной интеграции различных по происхождению и характеру культур.

Практическая значимость работы. Результаты многолетних исследований имеют чрезвычайно важное значение для решения спорных проблем русской колонизации Прикамья как в научном плане, так и в практическом их использовании.

Собранные материалы были использованы при подготовке I тома «Истории Урала» (1988), I и IV томов «Энциклопедии Земли Вятской» (1994, 1996), цикла книг «Материалы по истории Удмуртии», энциклопедии «Удмуртская Республика», учебного пособия «История Удмуртии». Материалы исследований позволят обновить соответствующий раздел «Музея археологии, древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья». Значительная часть полученных научных разработок в полной мере используется автором и его коллегами для чтения курсов «Основы археологии», «Археология Урала», «Железный век», «Основные проблемы славяно-русской археологии», «Отечественная история», «История Удмуртии», «История Урала». На базе этих материалов студентами готовятся научные доклады, курсовые и дипломные работы.

В плане воспитания полученные результаты лягут в основу формирования у подрастающего поколения и у взрослых толерантного отношения к людям всех национальностей и вероисповедания, послужат воспитанию патриотизма. Таким образом, материалы диссертации можно использовать для популяризации ее выводов во всех слоях современного российского общества.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Особенностью проникновения первых выходцев из Древней Руси на территорию Волжской Болгарии в X-XI вв. был состав переселенцев: купцы-русы и рабы-славяне. В XI-XIII вв., - бежавшее от христианизации славяно-финское крестьянское население Волго-Окского междуречья. В конце XIII-XIV вв. – состав населения пополняется ремесленниками. Таким образом, в Нижнем Прикамье прослеживается процесс перехода от военно-

религиозных причин появления древнерусских людей в регионе к экономическим.

2. Заселение вятского бассейна ознаменовалось на первых порах (конец XII – начало XIII вв.) конфликтами пришельцев с местным населением. Позднее здесь сформировались полиэтничные общины, объединившиеся к XIV в. в вечевое государственное образование «Вятская земля». Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о взаимоассимилятивных процессах, сопровождавшихся формированием особой группы русского населения на Средней Вятке. Древнерусский компонент, выявленный на чепецких памятниках, реализовать себя не успел – к началу XIV в. чепецкая культура прекратила свое существование.
3. Заселение Верхнего Прикамья началось в XIII в. миграцией, древнерусского и коми-зырянского населения, что убедительно подтверждается археологическими данными. На этой территории, подвластной Новгороду, в XIV в. формировалось государственное образование «Пермь Великая», возникли первые города со смешанным населением. В 1451 г. эта территория перешла под контроль Москвы.
4. Юго-восточные районы Прикамья заселялись выходцами из разных земель и в разное время. Анализ керамического комплекса позволяет говорить о том, что в Среднее Прикамье шел приток небольших общин переселенцев из бассейна Вятки и Нижнего Прикамья в XIII-XIV вв. Бассейн р.Сылвы осваивался населением Верхнего Прикамья с конца XIII – начала XIV в. Появление русского населения в бассейне р.Белой относится к XIV-XV вв.
5. Древнерусское население Прикамья – равноправный участник исторических процессов, происходивших в регионе в X-XV вв. Достаточно мирный, толерантный характер взаимоотношений различных культур и верований в регионе обусловлен экономическими факторами, прежде всего, близостью хозяйственного уклада и взаимовыгодной торговли.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на многочисленных международных, всесоюзных, всероссийских, региональных конференциях и симпозиумах, проводившихся как за рубежом (Венгрия, Финляндия, Швеция, Эстония), так и в нашей стране (Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Казань, Пермь, Свердловск (Екатеринбург), Новгород, Киров, Архангельск, Ханты-Мансийск,

Йошкар-Ола, Сыктывкар, Уфа, Васильсурск, Елабуга, Менделеевске, Ижевск, Сарапул, Глазов, Кудымкар).

Основные положения и выводы диссертации изложены в 3 монографиях, 127 статьях и публикациях, 102 тезисах докладов и 3 учебно-методических изданиях для студентов-историков, специализирующихся по археологии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографии и приложения, включающего в себя иллюстративный материал.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы, выясняется степень ее изученности, определяются цель и задачи исследования, характеризуются методология и методы исследования, очерчивается круг источников, научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Древнерусский компонент в памятниках археологии Нижнего Прикамья» начинается с описания границ региона, обусловленных естественно-географическими, этнокультурными и политическими особенностями.

§1. «Историография и источники». Автор обращается к анализу исторических сочинений, начиная с «Казанской истории» (середина XVI в.), трудов А.И.Лызлова и А.И.Манкиева, в которых говорится о славянской принадлежности волжских болгар. Эта же мысль прослеживается и у крупнейших представителей дворянской историографии В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина. Свое мнение о непростых русско-болгарских отношениях высказали П.И.Рычков, Г.Ф.Миллер, М.М.Щербатов, Екатерина II, а в первой трети XIX в. профессора Казанского университета К.Ф.Фукс и Х.М.Френ.

Во второй половине XIX – начале XX в. большой вклад в исследование проблем русской колонизации Волго-Камья внесли как последователи «государственной» школы С.М.Соловьева, так и ее критики, в основном представлявшие историческую науку Казани: С.В.Ешевский (1859; 1900), А.П.Щапов (1906), Н.А.Фирсов (1866; 1869), Д.А.Корсаков (1872; 1889), В.В.Григорьев (1876; 1876а), Г.И.Перетяткович (1877; 1882), М.Н.Пинегин (Казань...,1890). Они считали главными видами колонизации народную и правительственную и признавали как мирные, так и насильственные ее формы. Создание Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете (1877) стало стимулом для исторических изысканий ученых по рассматриваемой проблеме. Среди них С.М.Шпилевский (1877),

Смирнов И.Н., (1886), Н.Н.Фирсов (1919; 1930). На необходимость археологического изучения русских памятников региона говорили С.П.Покровский (1917) и Н.В.Никольский (1919). Отметим, что к тому времени отдельные русские древности были выявлены П.А.Пономаревым, С.К.Кузнецовым, М.Г.Худяковым, М.М.Хомяковым.

В первое советское десятилетие проблемы русской колонизации региона изучались, в основном, последователями старой школы, в числе которых были историки С.Т.Ташкин (1922), Н.А.Чулошникова (1921), А.А.Гераклитов (1923; 1927), а также археологи В.Ф.Смолин (1921; 1923), В.В.Гольмстен (1923), Ю.В.Готье (1928; 1930). Из числа историков – эмигрантов внимание взаимоотношениям русов и славян с болгарами, уделяли П.Н.Милюков (1993) и Г.В.Вернадский (1996; 1996а).

В 1930-1980 гг. в исторической науке господствовала марксистская парадигма. Ее важным достижением стало использование археологических источников наряду с письменными. Один из крупнейших советских историков этого периода Б.Д.Греков исследовал взаимоотношения Руси и Волжской Болгарии (1945). Он считал основную массу населения болгарского государства тюркской, называя их (тюрков) «серебряными», т.е. волжскими (Греков Б.Д., 1949; 1953). В совместной с Н.Ф.Калининым работе впервые были использованы древнерусские археологические источники (Греков Б.Д., Калинин Н.Ф., 1948).

Однако, специальных работ, освещающих эту тему, долгое время не было. Лишь с конца 1940-х годов ряд статей о русском компоненте в культуре Волжской Болгарии опубликовал А.П.Смирнов, обобщивший сведения из случайных находок, сборов и раскопок (Смирнов А.П., 1948; 1951; 1952; 1968). Специфика русско-болгарских взаимоотношений на уровне материальной культуры нашла отражение в работах Б.А.Рыбакова (1948; 1969), А.Л.Монгайта (1961), М.В.Фехнер (1961), В.Б.Вилинбахова (1963), Л.А.Голубевой (1969; 1973), В.В.Кропоткина (1970), М.Г.Рабиновича (1949; 1971), О.Н.Бадера (1950), О.Н.Бадера и В.А.Оборина (1958), В.А.Оборина (1956; 1990б), Р.А.Розенфельдта (1968), И.В.Дубова (1989), А.М.Белавина и В.А.Оборина (1986) и других.

Широкие раскопки, развернувшиеся в 1950-1980-е гг. под руководством А.П.Смирнова, А.Х.Халикова, Т.А.Хлебниковой, Р.Г.Фахрутдинова, Е.П.Казакова, их коллег и учеников, привели к открытию солидного количества древнерусских ископаемых древностей. Накопление данных материалов позволило М.Д.Полубояриновой (1993) произвести их комплексный монографический обзор.

Второй раздел параграфа содержит характеристику письменных и вещественных *источников*. Письменные – представлены восточными и

русскими источниками. Благодаря многочисленным публикациям восточных памятников мы имеем достаточно полный свод данных по исследуемой проблеме, начиная с IX в., в которых древнерусское население скрывается под термином «ас-сакалиба» (понимаемым, в основном, как «славяне»), «славяне» и «русы». Основная дискуссия ведется по атрибуции последнего термина, который норманистами понимается как обозначение варягов-скандинавов. Однако, наиболее ранние восточные сведения (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Ибн Русте, Ибн Фадлан) не дают столь однозначного толкования. Судя по всему, со словом «русы» предстоит еще немало разбираться, поскольку существует другая, более древняя историографическая традиция, прямо выводящая от него этнических русских, славян по происхождению. Обозначение Ибн Фадланом главы болгар Алмуша, как «царя ас-сакалиба», т.е. славян вряд ли случайно. В этом плане уникальные сведения дает ал-Куфи (начало X в.), описавший арабо-хазарскую войну 737 г. и вторжение к северу от хазар на земли славян. Это известие расценивается как нападение на славян-именьковцев, вынужденных бежать с территории Волго-Камья в междуречье Дона и Днепра., но частью оставшихся в составе населения формирующей Волжской Болгарии (Кляшторный С.Г., 2006). О смешанном тюрко-славянском происхождении болгар сообщают по данным середины XI в. Ибн ал-Джаузи (XII в.) и ад-Димашки (начало XIV в.).

Русские источники представлены в основном летописным жанром, содержащем сведения о внешнеполитических, торговых и религиозных отношениях Руси и Волжской Болгарии. В некоторых летописях под 1229 г. упоминается христианское кладбище Болгара, а в «Казанской истории» прямо сообщается о бегстве «черни ростовской» – древнерусского славяно-финского населения – в Волжскую Болгарию от христианизации. Автор считает некоторые уникальные сведения Никоновской летописи достоверными. Тот же вывод относится и «Истории Российской» В.Н.Татищева.

Среди *вещественных источников* автор выделяет две группы: собственно археологические и исследуемые вспомогательными дисциплинами. Собираание древнерусских предметов началось еще в середине – второй половине XIX в. усилиями любителей старины и коллекционерами. После Октябрьской революции начали проводиться первые небольшие археологические раскопки (В.Ф.Смолин, А.С.Башкиров, Н.Ф.Калинин, В.В.Гольмстен). Более значительные и систематические исследования состоялись под началом А.П.Смирнова в 1933-1937 гг. в Сувере, а с 1938 г. начались и многие годы продолжались

в Болгаре. С 1967 г. проводятся инициированные А.Х.Халиковым раскопки на Билярском городище, окружающих его посадах и близлежащих селищах. В последние годы возобновилось изучение Суvara, Казани, Джукетау, Алабуги, других городищ. В связи с затоплением прибрежных территорий водохранилищами развернулись охранные и спасательные изыскания, в ходе которых спешно раскапываются уцелевшие фрагменты поселений и могильников, но чаще всего дело оборачивается лишь сбором находок. Среди подъемного материала немало древнерусских вещей и керамики.

Автором отмечены *источники, изучаемые вспомогательными дисциплинами*. При исследовании керамики помимо приемов визуального наблюдения специалисты пользуются формально-типологическим и статистическим методами, а в последние годы математическими, трасологическими, термическими, петрографическими методами (Хлебникова Т.А., 1984, 1988; Кокорина Н.А., 1991, 2002; Васильева И.Н., 1988, 1993; Кочкина А.Ф., 1986а; Руденко К.А., 2000).

Остеологический анализ костных остатков ископаемых животных позволил выявить кости свиньи, которых употребляли в пищу выходцы из Древней Руси, что подтверждается и комплексом соответствующих находок (Андреева Е.Г. и Петренко А.Г., 1976; Петренко А.Г., 1979; 1984; 1899; Асылгараева Г.Ш., 2001). Выделение продукции древнерусского ремесла из местного выявлено по данным металлографического анализа черного металла Болгара и Биляра (Королев А.В., Хлебникова Т.А., 1960; Семькин Ю.А., 1996), Муромского городища (Толмачева М.М., 1982). Выявлена технологическая схема трехслойного пакета, не характерная в кузнечном ремесле волжских болгар, но весьма популярная на Руси. Таким образом, предметы, изготовленные по этой технологии, являются либо принадлежностью русских жителей (Семькин К.А., 1996, с.114), либо импортом из русских земель (История татар...2006, с.258).

Сравнительный анализ стекла Волжской Болгарии с применением спектральных технологий позволил выявить древнерусский импорт домонгольского времени (Полубояринова М.Д., 1988; 2002; 2006; Валиуллина С.И., 1991а, 1998, 2000, 2005; Столярова Е.К., 2005).

§2. «Поселения». Этнически однородных русских поселений пока не найдено, но в городах и на ряде селищ обнаружены скопления сооружений с преобладанием находок древнерусского происхождения.

Известно 41 поселение с находками древнерусской керамики, как правило сопровождавшейся и другими этнически определимыми предметами. Еще на 7 памятниках пребывание русских фиксируется по традиционно русским бытовым вещам (крестики, иконки, острия с

кольцами и светцы). На 27 памятниках найдены предметы русского импорта (шиферные пряслица, денежные слитки, украшения, оружие, бытовые предметы).

Наиболее многочисленные следы пребывания русских людей на территории Волжской Болгарии обнаружены в г. Болгаре. Еще в 1948 г. А.П.Смирнов отметил в ремесленном квартале города славянское жилище с находками XI-XIV вв. В 1953 г. в заречной части города исследованы остатки древнерусского поселения середины XIII – первой половины XIV в. – жилища ремесленников – ювелиров, металлургов, гончаров (Хлебникова Т.А., 1956). Следы жилищ выявлены и на площади городища. Всего же в городе обнаружено 14 жилищ (Полубояринова М.Д., 1993), а около одного из них выявлена даже деревянная мостовая шириной более двух метров (Смирнов А.П., 1974). Древнерусские керамика и вещи, а также кости свиньи найдены по всей площади города (Хлебникова Т.А., 1988; Полубояринова М.Д., 1993; Петренко А.Г., 1988). В Джукетау древнерусская посуда найдена и в домонгольских, и в золотоордынских слоях (Полубояринова М.Д., 1993). Аналогичная керамика обнаружена в Казани (Хлебникова Т.А., 2000) В Биляре зафиксированы две жилые полуземлянки и несколько хозяйственных сооружений вокруг них, сопровождавшиеся многочисленным инвентарем домонгольского времени (Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986). Древнерусская керамика и бытовые вещи золотоордынского периода выявлены С.И.Валиуллиной на Билярском III селище, на Бальнгузском (Торецком) III и Бальнгузском IV селищах.

На сельских поселениях помимо керамики обнаружено немало вещей древнерусского происхождения и связанных с ним предметов поволжско-финского и балто-скандинавского круга. Основной вклад в публикацию этих материалов внесли Е.П.Казаков (1984, 1985; 1985а; 1986; 1988; 1991, 1991а, 1993) и его коллеги Беговатов Е.А., Старостин П.Н., Руденко К.А. (Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1983; 1990; Старостин П.Н., Казаков Е.П., 1992; Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А., 1993), Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. (1986). В последние 15 лет К.А.Руденко изучил более 10 болгарских селищ XI-XIV вв. в низовьях Камы на обоих ее берегах на площади свыше 2 тыс. кв.м (Руденко К.А., 1992; 1993; 1995; 1998; 1999; 2000; 2001; 2001б; 2002 ; 2002а; 2004).

В елабужском Прикамье известны: славяно-финно-пермские материалы: два погребения XI-XIII вв. с меряно-славянскими украшениями из Котловского могильника и аналогичные находки из сборов на Ананьинской дюне, Староселищенском селище, в коллекции Е.К.Тевяшева, в погребении с пряжкой XII в. на Кумысской стоянке.

Отметим также Елабужский клад серебра, керамику XVI группы на Елабужском (Чертовом) городище, некоторые другие находки на памятниках бассейна р.Тоймы (Ютина Т.К., 1990).

Жилища. Всего исследованы остатки 16 деревянных жилых построек, три из которых (наземная в Болгаре, две полуземлянки в Биляре) существовали в домонгольское время, а 13 из Болгара (4 наземных, 5 полуземлянок, 4 землянки) – в золотоордынское. Зафиксированная их площадь 12,25-24 кв.м., глубина котлованов 0,6-1,7 м (Хлебникова Т.А., 1956; Полуобояринова М.Д., 1993; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986). От некоторых из 5 наземных домов сохранились фрагменты дощатых полов, подпольные ямы и глинобитная печь. 7 полуземлянок углублены на 0,6-1,2 м, составляя в размерах 16-24 кв.м. В двух из них выявлены угловые входы с земляными ступенями, облицованные деревом стенки, очаги в центре или угловые печи. 4 землянки имели глубину 1,4-1,7 м, площадь 16,5-21,5 кв.м. и аналогичные предыдущим вход, стены, печи и дощатые полы. Углубленные дома, судя по ямам от опорных столбов, имели двускатные крыши, как, по-видимому, и наземные сооружения.

Хозяйственные постройки Болгара и Биляра представлены ямами, расположенными вокруг жилых комплексов. В заречном поселке Болгара выявлены также фрагменты частокола ограды (Хлебникова Т.А., 1956), а в западной части городища – деревянная мостовая шириной более 2 м рядом с домом русского купца (Смирнов А.П., 1974).

§3. «Могильники». Имеющиеся материалы малочисленны и разнохарактерны. В 1882 г. казанские археологи П.А.Пономарев и Н.П.Лихачев исследовали *Бальмерский курганный могильник* с обрядом кремации, оставленный смешанным славяно-финно-скандинавским населением в X-XI вв. Имеющееся описание позволило Е.П.Казакову и И.Л.Измайлову предложить свои варианты реконструкции одного из захоронений (Казаков Е.П., 1986; Измайлов И.Л., 2000а). Еще в 922 г. Ибн-Фадлан наблюдал языческие похороны купца-руса на болгарской земле и это описание обычно проецируют на обряд Бальмерского могильника.

Следами миграции "ростовской черни", оказались многочисленные вещевые материалы XI-XIII вв. на поселениях и могильниках (*Котловский, Кумыское погребение, находки в Танайке, на Ананьинской дюне и в коллекции Е.К.Тевяшнёва*). О миграции муромского населения р.Оки, свидетельствуют три погребения середины – второй половины X в. из *Танкеевского могильника*.

Русская летопись сообщает об убийстве в 1229 г. в Биляре знатного христианина Аврамия, которого "иде же и прочих христиан погребашу в

земли Болгарстеи" (Московский., 1949, с.124). Это сообщение позволяет говорить о существовании в городе православного кладбища (Халиков А.Х., 1986), пока не обнаруженного. Известен один разрушающийся древнерусский могильник – *Христофоровский*, где Е.П.Казаковым выявлено 5 погребений предположительно XIII-XV вв.

§4. «Материальная культура». Рассматриваются две основные группы находок – керамика и индивидуальные вещи. Среди последних можно отметить предметы импорта и личные принадлежности древнерусских поселенцев, причем, как уже указывалось, грань между теми и другими весьма условна. Поэтому и схема, предложенная М.Д.Полубояриновой (1993), страдает определенной субъективностью и требует безусловных коррективов, что не мешает, однако, взять ее за основу. Признаками присутствия поселенцев являются находки керамики, предметов христианского культа (крестов-тельников, энколпионов, образков, иконок, писанок, церковной утвари), славянских языческих амулетов (обереги из клыков, зубов и костей животных, миниатюрные подвески-топорики и подвески-ложки), властных атрибутов (костяные печати-матрицы, свинцовая булла), племенных славянских височных колец и престижных серебряных украшений (детали оплечий, звездчатые колты, трехбусинные височные кольца).

Славянская **керамика** (группа XIV по Т.А.Хлебниковой (1984)) проникает на территорию Волжской Болгарии уже в XI в. преимущественно из Подонья, обнаруживаясь и в устье Камы (Болгар, Семеновское I селище). В XII – первой половине XIII в. преобладает приток древнерусской керамики из Владимиро-Суздальского княжества (Болгар, Джукетау, Рождественское селище и др.), но она при этом составляет в целом сравнительно небольшой процент керамических коллекций: в Болгаре 1,2-5,4%, Джукетау – до 0,1%, Мурзихинское – 2,2%. В конце домонгольского периода появляется славянская по внешнему виду, но с неславянскими примесями (толченая раковина, шамот, навоз и др.) керамика, названная Т.А. Хлебниковой "славяноидной" (Хлебникова Т.А., 1965) и отнесенная ею к XVI группе (1984). Позднее эта керамика названа ею марийско-чувашской (1988), Н.А.Кокорина считает ее поволжско-финской (1991), а Т.Б.Никитина – марийской (2006), К.А.Руденко предполагал возможные ее верхнекамские истоки (1992), но потом склонился к славяно-финно-пермской ее природе (Руденко К.А., 2004б), М.Д.Полубояринова относит к древнерусской посуде группы В (1993). Думается, последнее определение более удачно, учитывая, что эта керамика всегда обнаруживается вместе со славянской. Посуда XVI группы изготавливалась на смешанных славяно-финно-

пермских памятниках, о чем автор писал неоднократно (Макаров Л.Д., 1984б; 1985; 1989 и др.), но уже на стадии обрусения финно-пермского компонента. Интересно, что данная группа керамики единично обнаружена в Болгаре, но увеличивается вверх по Каме, например, ее больше на Рождественском селище, а в Джукетау она составляет 0,3% в цитадели и 1,2% в пригороде. В золотоордынский период отмечено весьма заметное увеличение древнерусской посуды и по XIV (до 17% в Болгаре и других поселениях), и по XVI группам (пригород Джукетау – до 3%). Кроме того, Н.А.Кокориной (1991, с.14,16) удалось уточнить особенности выделенной Т.А.Хлебниковой XX группы керамики, в которой отразилось смешение традиций тюркской (XIII), славянской (XIV) и славяно-финно-пермской (XVI) групп при участии традиций тюркской общеполгарской (I) группы в конце золотоордынской эпохи (Болгар, Сюкеево, Заказанье, Предкамье). И.Н.Васильева предпочитает не давать этнической интерпретации посуды XVI группы, отмечая только вероятное участие в ее изготовлении русских, болгарских и финно-угорских гончаров (Васильева И.Н., 1988; 1993).

Типология древнерусской посуды, предложенная М.Д.Полубояриновой по материалам Болгара (1992; 1993), вполне применима и к керамике других поселений Волжской Болгарии. Выделенные ею 14 типов горшков практически полностью покрывают разнообразие имеющихся материалов.

Индивидуальные находки. В процессе рассмотрения этой категории древностей автор приводит классификацию предметов по группам, внутри которых типологизирует находки, устанавливая их хронологию по имеющимся в публикациях аналогиям.

Среди предметов *славянско-языческого* культа представлены: славяно-финские шумящие, чаще всего, зооморфные подвески, миниатюрные копии некоторых вещей в виде подвесок-ложек и подвесок-топориков, а также костяные амулеты из клыков, зубов и костей животных. Эти изделия в основном бытовали в домонгольский период, изредка обнаруживаясь и в более поздний.

Предметы христианского культа: кресты-тельники (45 экз.), энколпионы (15 экз., 2 оглавия), крестовключенные подвески (2 экз.), иконки (12 экз.), костяная рукоять шила со знаком Рюриковичей и крестом, писанки (более 10 экз.), церковная утварь, подсвечники, детали хороса, фрагменты подвесной лампы.

Бытовые вещи: осветительные приборы (коцея-кадильница, подсвечники и светцы), остря с кольцами (не менее 16 экз.), писало, стеклянная посуда, оконное стекло, железные дверные накладки (6

фрагментов), замки и ключи типов А и Б, ключи от нутряных замков (4 экз.). Обнаружено также несколько сот пряслиц из овручского шифера. Из него были изготовлены и другие вещи: бусина, игральная кость, заготовка какого-то предмета, оселок, формочка для отливки ложновитых перстней.

Железные сошники (15 экз.), характерные для обработки почв лесной зоны, появились в низовьях Камы, очевидно вместе с русскими поселенцами.

Обнаружено две костяных *печати-матрицы* XIV-XV вв. и одна свинцовая *вислая печать* конца XII или начала XIII в.

Из *украшений* отметим вещи, лично принадлежавшие их владельцам: фрагменты оплечья из медальонов и бусин, звездчатый колт, трехбусинные височные кольца, племенные славянские кольца (пятилучевое радимичское, 2 ромбоцитковых новгородских, семилопастное вятичское, не менее трех браслетообразных и одно перстнеобразное с «завязанными» концами смоленско-полоцких кривичей). Другие украшения могли быть как импортом, так и личными вещами выходцев из Древней Руси: металлические подвески (ажурные с изображением птицы, коробочки-медальоны, монетовидные, лунницы, зооморфные плоские и полые); стеклянные украшения (бусы, фрагменты браслетов и перстней); изделия из янтаря (подвески, бусы и их заготовки); металлические перстни, браслеты, фибулы железные булавки.

Элементы поясного набора: пряжки нескольких типов, некоторые наконечники поясов и накладки, распределители ремней.

Предметы туалета представлены домонгольскими изделиями из кости (двусторонними прямоугольными и трапециевидными гребнями, односторонними расческами и их футрярами, копоушками с наверхиями в виде «петушиной» или неопределимой головками и разнообразной орнаментацией) и бронзы (копоушкой с круглой лопаточкой с 4-мя отверстиями).

Имеются *нумизматические материалы*: западноевропейские X-XI вв. и русские конца XIV-XV вв. монеты и русские серебряные денежные слитки XI-XIII вв.

Предметы вооружения отчасти представлены древнерусским импортом. Это мечи каролингского и романского типов (типы E, H и S), наконечники ножен, боевые и парадные топоры с инкрустацией, секиры, некоторые типы булав и кистеней; фрагменты пластинчатого доспеха, наносник шлема, умбон от щита, а также некоторые *элементы снаряжения всадника и верхового коня* (кольчатые удила, шпоры с

колесиками, плеть с навершием в виде хищной птицы и «варяжским» орнаментом, конские подковы, ледоходные шипы, детали оголовья коня).

Таким образом, в западной части Нижнего Прикамья выявлено большее число древнерусских находок. Имеются основания связать памятники этой части Волжской Болгарии с "серебряными болгарами" русских летописей – одним из возможных болгарских племенных объединений, имеющих в своем составе заметный древнерусский компонент. По мнению лингвистов, тюркское название Вятки - "Нукрат" – искаженное от "Новгород". В болгарско-татарском прочтении, р.Вятка именовалась как "Новгородская река" (Ахметзянов М., 1991; Добродомов И.Г., 1994). Постепенно первоначальный смысл названия забылся и, по-видимому, стал объясняться болгарами из созвучного арабского слова "нукрат" – "серебро". В этом понятии и попали в русские летописи "серебряные болгары" (на самом деле – "болгары, проживавшие близ новгородской реки"), что может быть объяснено сосредоточением здесь весомого древнерусского компонента. Отмечу, что именно в нижнекамском регионе наиболее активно шли процессы интеграции керамических традиций славян, пермских и верхневолжских финнов с тюрками (Васильева И.Н., 1988). Не исключено, что после разгрома Волжской Болгарии Батыем часть древнерусского населения мигрировала в Марийско-Чувашское Поволжье, на Среднюю и Нижнюю Вятку, в Среднее Прикамье, а оставшееся население постепенно растворилось в преобладавшей тюркоязычной среде. В золотоордынский период, в основном в XIV в., приток древнерусского населения в Нижнее Прикамье не прекратился, а существенно возрос, причем не только за счет пленных, но и вольнопоселенцев-ремесленников.

Глава 2. «Древнерусские памятники Вятской земли». За последние полвека удалось провести широкие раскопки на древнерусских памятниках Вятского края и создать совершенно новый полноценный фонд источников.

§1. «Историография и источники» состоит из трех разделов.

Вятская земля по данным письменных источников. Русские летописи освещают историю региона чрезвычайно кратко и на относительно позднем – с конца XIV в. – отрезке времени, уделяя основное внимание политической ее стороне. Ценные сведения приводят договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XV – начала XVI в., которые касаются юридической принадлежности Вятской земли. Независимость действий вятского руководства, социальная структура общества и состояние духовной жизни вятчан описываются в посланиях русских митрополитов второй половины XV в. Более поздние акты

источники, переписные и писцовые книги, описания и карты иностранцев также содержат некоторые полезные сведения.

Одним из интереснейших источников является «Повесть о стране Вятской» – произведение позднее, написанное в начале XVIII в. Вместе с тем, в нем есть чрезвычайно важные данные, позволяющие использовать их при рассмотрении древнейшего периода в истории Вятской земли. Источниковедческий анализ этого памятника, проведенный в последние годы в работах ряда историков (В.В.Низов, О.К.Уо, А.Л.Мусихин), ставит новые акценты в определении степени достоверности его сведений.

История Вятской земли в Отечественной историографии. Еще средневековыми авторами была выдвинута теория о родстве вятчан со славянским племенем вятичей. Это мнение удерживалось в литературе вплоть до конца XVIII века. На протяжении XIX – первой половины XX в. историки в той или иной степени опирались на данные «Повести о стране Вятской». Одна часть ученых полностью доверяли сведениям этого произведения, другие отрицали «Повесть» как достоверный источник, третьи занимали компромиссную позицию (Макаров Л.Д., 1992). После проведения раскопок ряд ученых пересмотрел свои прежние взгляды в пользу признания ранних дат «Повести». Однако и после этого некоторые исследователи предпочли осторожный подход (Г.А.Архипов, А.Х.Халиков, Г.В.Фотеев, М.В.Гришкина, В.Е.Владыкин, В.В.Низов,).

История археологического изучения региона. Выделяется три этапа. I этап (конец XVIII – начала XX в.) характеризуется появлением в печати сведений об археологических памятниках (И.И.Лепехин, Е.Ф.Зябловский, местная периодика), накоплением материалов и первыми наблюдениями археологов (П.В.Алабин, П.И.Лерх, М.В.Малахов, Н.Г.Первухин, А.А.Спицын). Итогом его явилось исследование А.А.Спицына «Приуральский край» (1893 г.) и очерк Н.Г.Первухина «Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии» (1896).

II этап (1917 – середина 1950-х гг.). Археологические наблюдения проводились сотрудниками местных краеведческих учреждений (Вятский НИИ краеведения, музей) и археологами центральных и уральских организаций (Н.А.Прокошев, М.В.Талицкий, А.П.Смирнов). Результаты исследований нашли отражение в работе И.А.Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» (1952.).

III этап ознаменовался проведением широких археологических раскопок экспедициями под руководством Л.П.Гуссаковского (Никулицын, Хлынов, Вятка, Орлов), а затем автора (Никулицын, Ковровское, Шабалинское, Котельнич, Искра, Хлынов, Слободской,

Покста, Подчуршино) и его коллег. Силами Камско-Вятской экспедиции, созданной в 1973 г., проведено широкое разведочное обследование региона. Так, в последние годы выявлено еще несколько древнерусских памятников южнее устья р. Пижмы (Ботыли IV, Лебяжское, Мысы IV, Уржумское).

§2. «Поселения». Территория региона до появления древнерусских поселенцев была освоена древнеудмуртскими племенами (Лещинская Н.А., 1995). Многие из их поселений были использованы русскими колонистами. В результате памятники местного населения оказались большей частью разрушенными, а культурные напластования перемешаны с более поздними слоями, поэтому представление об их материальной культуре известно недостаточно. Зато заметный пласт древнерусского импорта осел в местных могильниках X-XII вв. – украшения, бытовые предметы, монеты, орудия труда.

В числе памятников древнерусского населения региона 45 объектов разных категорий, относящихся к XII-XV вв., но продолжавших существовать иногда и в более поздний период времени

Селища являются преобладающей, но слабо изученной до последнего времени, категорией памятников. Л.П.Гуссаковский. в 1957 г. выявил следы первого на Вятке догородского сельского поселения конца XII – начала XIII в. в Хлынове. Силами КВАЭ развернулись значительные работы по исследованию памятников региона, в том числе древнерусских селищ XII-XV вв. Автором раскопано поселение Искра, значительная часть поселения Покста II, проведены рекогносцировочные исследования на Никульчинском II, Родионовском и Шабалинском поселениях. В.В.Ванчиковым исследовалось поселение Мысы IV. Таким образом, поселения этого типа известны в настоящее время во всех выделенных нами микрорегионах: в Никулицынском – 4, Котельничском – 6, в Пижемском – 8, Лебяжско-Уржумском – 3. Данные территориальные группы адекватны, судя по всему, древнейшим волостям Вятской земли.

Топография поселений имеет свои закономерности в зависимости от микрорегионов: в Никулицынском селища расположены на высоких берегах, в Котельничском – на невысоких выступах или останцах коренных террас, пижемские и лебяжско-уржумские – на надпойменных террасах.

Размеры поселений редко превосходят площадь в 1500 кв.м. Судя по памятникам, раскопанным достаточно полно, они имели прибрежную рядовую планировку.

Деревенские жилища – наземные срубные постройки квадратной или прямоугольной формы (4x4; 3,5x4,5 м) с печами в углу или в центре, с

большими подпольными ямами, облицованными досками. Выявлены производственные и хозяйственные помещения: на Искре - кузница с горном, две хозяйственные ямы, следы изгороди и дренажа. На Хлыновском поселении зафиксированы следы изгородей, построек и хозяйственных ям.

Материальная культура сельских поселений Вятской земли XII-XV вв. небогата, керамика характеризуется преобладанием в составе примесей песка, раковины и дресвы, слабым использованием гончарного круга, низким обжигом, редкой орнаментацией, наличием донных клейм в виде птичьей лапки или других композиций. Перечисленные признаки свидетельствуют о взаимодействии культур пришлого славянского и местного финно-пермского населения.

Городища. Известно 15 древнерусских укрепленных поселений: мысовые, усложненно-мысовые и овальные. Мысовые (14 памятников) защищены 1-2 валами, рвом с напольной стороны и срубными клетями вдоль обрывов. Малые по размерам памятники (до 6 тыс. кв. м) существовали с дорусского времени. Более крупные городища (6-40 тыс. кв. м) превращались в детинцы городских поселений (Вятка, Орлов, Котельнич, Никулицын, Слободской). Усложненно-мысовые городища – это посады тех же городов, возникших в конце XV-XVII вв. и имевших прямоугольную или многоугольную конфигурацию, большую площадь и усовершенствованную систему укреплений. Овальную площадку имеет Подчуршинское городище, расположенное на высоком холме. Крепостные сооружения исключительно дерево-земляные (прорезка произведена на Хлыновском, Слободском и Ковровском городищах, при этом на первых двух под насыпями валов зафиксированы более ранние жилые и хозяйственные срубные конструкции). Следы укреплений в виде срубных клеток выявлены также по периметру площадок крепостей (Подчуршинское, Ковровское, Никульчинское, Шабалинское городища). В XV-XVII вв. распространяется традиция сооружать укрепления в виде клеток, забутованных глиной (Хлынов, Слободской, Котельнич, Подрелье).

Реконструировать более ранние укрепления помогают письменные и иконографические материалы XVII-XVIII вв.

Обнаружение жилых и хозяйственных оборонительных клеток свидетельствует о живучести домонгольских традиций крепостного зодчества на Средней Вятке, а также о связях с Южной Русью, где аналогичные сооружения строились в XII-XIII вв. (Раппопорт П.А., 1975а), а с XIII-XIV вв. распространились на Русском Севере (Овсянников О.В., 1982; Макаров Л.Д., 1984а).

Планировка и застройка поселений. На поселениях, раскопанных широкими площадями (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов), оказалось возможным установить планировку и застройку. Особенно устойчивой была планировка Хлынова, что обусловлено замощением улиц бревенчатыми мостовыми, а также строительством жилищ и хозяйственных сооружений преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени. Уличная планировка характерна также для Котельнича, Орлова и Никулицына.

Жилища, хозяйственные и производственные постройки. На укрепленных поселениях Вятской земли к настоящему времени выявлены остатки 74 жилищ – землянка, полуземляночные и наземные. Землянка конца XIII – начала XIV в. подквадратной формы размером 4х4, углубленная на 1,8-2,0м, имела бревенчатые стены, двускатное перекрытие, дощатый пол и следы печи у середины стены. Полуземлянки (20 сооружений XIII-начала XIVв.) делятся на две группы. Одна объединяет 4 постройки квадратных очертаний со стороной 4-6 м, углубленных на 0,3-0,6 м, внутри которых зафиксированы подпольные ямы и следы глинобитных печей у середины стены. Вторая разновидность полуземлянок (16 построек) состоит из двух частей: жилой камеры (1,7-2,5 м в поперечнике), углубленной на 0,4-0,7 м, и тамбура аналогичных размеров, вход из которого в жилой отсек шел по земляным ступенькам). В жилой камере обнаружены следы глинобитных печей и каменок, располагавшихся чаще (глинобитные) в дальнем от входа углу, иногда на останце или (каменки) справа от входа у середины стены. Зафиксированы как столбовая, так и срубная конструкции полуземлянок. Сооружение двухкамерных полуземлянок со входом через дополнительное помещение характерно для района Среднего Поднепровья в XII-XIII вв. (Раппопорт П.А., 1975а). Наличие их на Средней Вятке свидетельствует о появлении здесь во второй половине XIII в. южнорусского населения.

48 сооружений относится к типу наземных жилищ. От них остались либо нижние венцы рубленных "в обло" срубов (Хлынов) или канавки из-под них, либо подпольные ямы с рухнувшими в них остатками печей. Особенностью наземных жилищ Вятской земли, выделяющей ее из числа других древнерусских земель, является довольно частое помещение печи не в углу, а у середины одной из стен.

Из числа хозяйственных построек представлены срубные или столбовые сооружения – сараи, помещения для скота, погреба, хозяйственные ямы. Обнаружено некоторое количество построек производственного назначения: остатки двух сыродутных горнов, девяти

кузниц, медеплавильной мастерской, трех гончарных комплексов (Макаров Л.Д., 2001б).

§3. «Могильники». Сведения о древнерусских некрополях бассейна Вятки накапливались еще с конца XIX в., когда А.А. Спицын писал о Шабалинском могильнике (1881, 1893). В 1929 г. единичные погребения вскрыл на Еманаевском (два) и Покстинском (одно) могильниках М.В.Талицкий. Первые крупные раскопки произвел Л.П.Гуссаковский, открывший 18 могил на Никульчинском I могильнике. Широкие исследования проведены отрядами КВАЭ на Шабалинском (80 погребений), Еманаевском (71) и Покста (85) могильниках (работы Л.Д.Макарова и Н.А.Лещинской). Экспедиция Кировского музея (Л.А.Сенникова) раскапывала Усть-Чепецкий могильник (22 погребения). Исследованы одно и разрезы 33 погребений на Хлыновском I могильнике (Л.Д.Макаров, В.В.Ванчиков). Имеются сведения о любительских раскопках 1938 и 1961 гг. братской могилы у д.Северюхи, предварительно датированной концом XIV или серединой XVI в. (Макаров Л.Д., 1995г). Таким образом, имеют точные данные для 280 погребений XII – середины XVI в.

Для погребений характерна практически полная безинвентарность, небольшая глубина захоронения (20-110 см), прозападная ориентировка умерших, расположение рук в области таза или грудной клетки в различных сочетаниях. Наряду с бесспорными признаками православной обрядности замечено наличие отдельных языческих элементов. Особенно архаичным выглядит обряд на Еманаевском могильнике, где древнейшие могилы расходятся веером от овальной площадки с ямой в центре, меняя свою ориентацию аналогично тому, как это имеет место на нескольких грунтовых могильниках Новгородской земли X-XIII в. (Конечский В.Я., 1984). На некрополе выявлено 7 могил с кремацией, 4 – с неполной кремацией, 2 – кенотафа, единственное парное захоронение с останками людей, убитых стрелами с наконечниками X-XIV вв., два погребения умерших со слегка подогнутыми ногами (возможно, могилы волхвов) и два отдельных черепа. В межмогильном пространстве найдены обломки древнерусской керамики XII-XIV вв. – вероятные следы языческого обычая битья посуды. Предполагается существование здесь языческого храма. На могильнике Покста зафиксированы следы православного храма и изгородей кладбища.

Период перехода обрядности от язычества к православию отражают материалы и других некрополей: Шабалинского, Никульчинского I, Усть-Чепецкого, Покста. Обнаружение славяно-финно-пермской посуды, коры и бересты в могилах Усть-Чепецкого могильника свидетельствует об

этнически смешанном (возможно, русско-удмуртском) составе умерших (Сенникова Л.А., 1995; 1996). Этому выводу не противоречит и краниологический анализ нескольких черепов (Рясик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А. и др., 1996).

§4. «Материальная культура». Раздел состоит из 5 частей.

Производственный, хозяйственный и промысловый инвентарь.

Коллекция предметов данной группы достаточно представительна. Производственный инструментарий характеризуется принадлежностями кузнечного (напильники, бородки, пробойники, гвоздильня), ювелирного (тигли, льячки, наковальня, клещи, зубило, пинцеты, пуансоны), деревообрабатывающего (топоры, тесла, пилы, долота, стамеска, сверла, скобели, струг) ремесел. Обнаружены инструменты для косторезного (различные резцы) и портняжного дела (ножницы, иглы), а также для плетения (кочедыки) и прядения (булавки для ручных прялок, пряслица). Часты находки универсальных инструментов (ножей, шильев, проколок, точил). Встречаются сельскохозяйственные орудия (сошники, чересла, серпы, косы, жернова), рыболовные снасти (крючки, блесны, остроги, грузила и поплавки от сетей) и охотничье вооружение (наконечники стрел). Весь набор представленного на памятниках Вятской земли инструментария характерен для русских поселений развитого и позднего средневековья.

Бытовой инвентарь. Обнаружено много предметов, связанных с домашним хозяйством (замки, ключи, дверные ручки, пробои, жиковины, накладки, цепи, скобы, гвозди) и бытом (подсвечники, светцы, лампы, всевозможная посуда из дерева, глины и металла). Нередки и предметы личного обихода (кресала, гребни, копоушки, кожаная обувь и сапожные подковки). Из числа редких находок упомянем: музыкальные инструменты (сопель, свистульки), детские игрушки (миниатюрная посуда, фигурки животных и людей, глиняные шарики, хлебцы, те же свистульки), принадлежности настольных игр (шахматные и шашечные фигуры) и письма (писала). Уникальны предметы атрибутов власти – печать-матрица с зеркальной надписью "Печать Григориева" и свинцовые буллы.

Вооружение, снаряжение всадника и верхового коня. Постоянное участие вятчан в боевых действиях требовало уделять особое внимание предметам вооружения. Эта категория материальной культуры представлена наконечниками стрел и копий, обрывками кольчуг и панцирей, кистенями, топорами, а также снаряжением всадника и верхового коня (удилами, стременами, шпорами, элементами конской

сбруи). Подавляющее количество предметов вооружения обнаружено на Никульчинском городище. Основная их часть датируется XII-XIV вв.

Украшения и предметы христианского культа. Среди них – височные кольца и серьги, подвески и пронизки, фибулы, браслеты и перстни, детали поясных наборов и принадлежностей костюма, бусы и языческие амулеты. Определенную эстетическую нагрузку несли и предметы христианского культа – кресты-тельники, энколпионы, иконки и образки. Отдельные типы подвесок, браслетов, перстней, бубенчиков, бус, языческих и христианских предметов бытовали на раннем этапе колонизации – на протяжении XII – рубежа XIII-XIV вв.

Керамика представлена значительным числом сосудов (более 2 тыс.). Основные коллекции получены в Хлынове, Котельниче, Коврово, Никулицыне (около 500 в каждом из них), в Подчуршино, Шабалино (городище и селище), Слободском, Поксте II, Искре (от 37 до 150 сосудов). Почти вся посуда круговая (лепной насчитывается около 2%), но изготовлена на ранних стадиях использования гончарного круга, что свидетельствует о преимущественно домашнем характере производства (Бобринский А.А., 1978, с.23-64). Признаки гончарного ремесла прослеживаются в основном к концу рассматриваемого периода. Абсолютно преобладающей категорией посуды являются горшки (около 95%), количество иных форм (чашевидных, кувшинообразных, крышек) невелико. По оформлению верхней части горшков выделено значительное количество типов и более дробных делений данной группы изделий. Керамика орнаментирована слабо, наиболее популярными были линейно-волнистые узоры, но встречаются также оттиски штампа, наколы, ямки, ногтевые насечки. На днищах некоторых сосудов (их около 50) сохранились гончарные клейма трех групп изображений (Макаров Л.Д., Салангин Д.А., 1994). В отличие от керамики большинства древнерусских земель посуда Вятского края имела наряду с традиционно славянскими примесями (песок и дресва), также толченую раковину, шамот, навоз, сухую глину, известняк и слюду в разных сочетаниях. На ряде поселений их имели от 20 до 50% сосудов. В течение XV-XVI вв. эти примеси постепенно исчезают. Данную группу посуды можно рассматривать как результат славяно-финно-пермского взаимодействия.

Итак, из всей совокупности вещевое материала памятников Вятской земли выделяются древности, позволяющие считать началом русского освоения бассейна Средней Вятки конец XII – начало XIII в. (Макаров Л.Д., 1995д). Заметную группу представляют также предметы импорта, особенно из Волжской Болгарии и Нижнего Поволжья как в

домонгольское, так и золотоордынское время – монеты, бытовые вещи, керамика.

§5. «Особенности древнерусских находок бассейна р.Чепцы и верховьев р.Вятки». Данный регион, как место проникновения древнерусских поселенцев, по существу никогда не рассматривался. Проблемы контактирования чепецкого населения со славянами специально поднял, в основном по данным письменных источников, Г.В.Фотеев (1978). Отдельные славяно-русские находки отмечали на Чепце А.П.Смирнов (1952) и В.Ф.Генинг (1962), допуская их проникновение как через волжских болгар, так и непосредственно из Древней Руси. Обширные раскопки, проводимые на Чепце в последние десятилетия, позволили значительно расширить фонд древнерусских источников. М.Г.Иванова отметила, что на городище Иднакар уже в слоях X-XI вв. встречаются славянские вещи (шиферные пряслица, футляры складных расчесок, двусторонние роговые гребни прямоугольной и трапециевидной форм, некоторые виды украшений, орудий труда, вооружения (Иванова М.Г., 1989б; 1998). Характер данных предметов свидетельствует о преимущественно торговых взаимоотношениях. В то же время исследователь указывает, что древнерусское влияние не ограничивалось только торговлей, оно было более тесным и глубоким, что отразилось, в частности, на заимствовании чепецкими кузнецами ассортимента, форм и технологии изделий из железа от мастеров Древней Руси (Иванова М.Г., 1992; 1998; Завьялов В.И., 1988). Имело место и заимствование некоторых категорий прикамской материальной культуры населением Северной Руси (Макаров Н.А., 1982; 1983; 1989).

Отдельные находки дают основание говорить о вероятном проживании славян на чепецких поселениях уже в то время. Так, на городище Иднакар найдены костяные предметы X-XI вв., имеющие признаки бесспорно властного характера: гребень с процарапанным на ней княжеским знаком Рюриковичей, а возможно и прикладная печать в форме шахматной фигурки, близкая древнерусским изделиям, с изображением монограммы "м" и дополнительных деталей.

В то же время специалистами (Рябинин Е.А., 1997; Иванов А.Г., 1998) выделяется группа предметов, широко распространенных в славяно-финской среде и в значительной мере потерявших этническую нагрузку: подковообразные и кольцевидные фибулы, наборные односторонние гребни и футляры от них, двусторонние роговые гребни прямоугольной и трапециевидной формы, крестопорезные грушевидные бубенчики с насечками, рубчатые перстни, калачевидные и овальные кресала, ключи и

замки. Справедливость этого заключения сомнений не вызывает: действительно, истоком этих, а также некоторых других категорий находок были славянские и финские группировки Древней Руси (Макаров Л.Д., 1997а).

В течение XII в. на Чепце происходит переориентация торговли на русские земли, когда появляются замки и ключи к ним, кольцевидные височные подвески с напускной бусиной, рубчатые перстни, кольцевидные, зонные и винтообразные бусы из полупрозрачного стекла, черные с пластичным узором, серебряные монетные слитки новгородского типа, плетеные браслеты, крестовключенные подвески, калачевидные и овальные кресала и некоторые другие изделия, постепенно оттеснявшие болгарский импорт (Иванова М.Г., 1989б; 1992). И, наконец, в предмонгольских слоях Иднакара выявлена керамика славянского и славяно-финно-пермского характера: у последней форма и орнаментация (линейный, волнистый, ногтевой) говорят о славянской традиции, а формовочные массы (раковина, навоз, песок) – о финно-пермской (по далеко неполным подсчетам Д.А.Салангина, на городище Иднакар ее менее одного процента всей керамической коллекции: чуть более 80 сосудов и около 200 фрагментов). Кроме того, обнаружены и другие категории материальной культуры, маркирующие вероятное присутствие на Чепце выходцев из Древней Руси: атрибуты православия (крестики, иконка, змеевик, крестовключенные подвески) и славянского язычества (амулет-топорик, подвеска-конек), а также кривичские браслетовидные височные кольца с «завязанными» концами. Знаменательно, что практически все указанные выше предметы выявлены на городище Иднакар и в его округе. Сочетание чепецких находок и отмеченных нами вещей и керамики свидетельствует о древнерусском компоненте среди жителей этого поселения.

Таким образом, *Средняя Вятка*, начала заселяться славянами и ославяненными финнами во второй половине XII – начале XIII в. Первыми русскими колонистами региона были как новгородцы, использовавшие для проникновения сюда северные притоки р.Вятки, так и ростовцы, имевшие возможность попасть на Вятку и с севера, и с запада. Особенности обоих компонентов на археологических материалах (керамика, украшения) прослеживаются весьма слабо. Аборигенное удмуртское население, оказавшее поначалу вооруженное сопротивление дружинам пришельцев, в дальнейшем принимало участие не только в экономической, но и в политической жизни региона. Вместе с колонистами удмурты составляли население Никулицынской и Котельничской волостей, а их племенная верхушка наряду с русским

руководством стала основой вятского боярства (Макаров Л.Д., 1989; 1991в; 1993б). Население Пижемской и Лебяжско-Уржумской волостей состояло, судя по керамике, в основном из славянских поселенцев (Макаров Л.Д., 1994а). Древнерусский компонент Верхней и Средней Чепцы не мог играть заметной роли ввиду его малочисленности.

Монголо-татарское нашествие усилило поток переселенцев с территории Владимиро-Суздальской и Южной Руси, принесших с собой традиции постройки полуземляночных жилищ и оборонительных укреплений, а также предметы киевского происхождения. В дальнейшем Волго-Окское междуречье и устюжские владения ростовцев стали теми регионами, из которых направлялся на Вятку основной поток переселенцев.

Отмеченное по письменным источникам изолированное положение Вятской земли в составе русских территорий обусловило и оформление в этом регионе политической автономии, сохранявшейся на протяжении XIII-XV вв. Итак, во второй половине XIII в. – начале XIV в. полиэтничное население края постепенно консолидируется в государственное образование – Вятскую землю с центром в г.Вятке (Хлынове), имевшую вечевую форму правления, лишь формально подчинявшуюся владимирскому великому князю. По сравнению с классическими народоправствами Древней Руси – Новгородом и Псковом – Вятская республика имела ряд присущих только ей особенностей: отсутствие института княжеской власти; военизированный характер исполнительной власти; автономная церковная организация; более архаичная вечевая система (Макаров Л.Д., 1993а; 1994в). Набеги новгородских ушкуйников и золотоордынских отрядов на вятские поселения обусловили их значительные перестройки, выразившиеся в усилении оборонительных укреплений и изменении планировки на ряде памятников. В 1489 г. Вятская республика была ликвидирована, часть ее руководства казнена, а оставшаяся переселена в подмосковные земли. С конца XV в. на Вятку переместилось значительное количество переселенцев из северо-русских земель, что нашло отражение в особенностях языка, фольклора, топонимики, материальной культуры.

Древнерусское население принесло с собой на Среднюю Вятку те черты, которые характеризуют экономику русского государства эпохи развитого средневековья. Основой экономической жизни региона было сельское хозяйство. Анализ зернового материала показал, что важнейшими культурами на Вятке являлись рожь, пшеница и овес, но выявлены также ячмень, гречиха, горох, бобы, конопля, лен. Господствовала паровая система земледелия в форме двухполя,

трехполья и других ее переходных форм, но сохранялись и более архаичные подсека и перелог. Важное значение в хозяйстве вятчан занимало скотоводство. Osteологический материал показал характерный для большинства славяно-русских памятников лесной полосы состав стада: преобладание крупного рогатого скота и свиней, и незначительный процент мелкого рогатого скота и лошадей. Стойловое содержание скота и пастушеская форма выпаса также являлись обычными для регионов, подобных Вятской земле. Из промыслов наиболее важными были охота как пушная, так и с целью добычи мяса (находки костей диких животных), а также рыболовство (многочисленные орудия лова, костей и чешуи рыб) и бортничество. В городах Вятской земли и отчасти на селищах зафиксированы следы различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного и гончарного, деревообрабатывающего и сапожного. Изолированность Вятки придала торговым связям ограниченный характер, не выходящий за рамки достаточно тесного и узкого рынка.

Третья глава «Археологические памятники древнерусского населения Верхнего Прикамья». Верхнее Прикамье является своеобразным регионом Предуралья, издавна заселенным пермскими и угорскими группами населения и ставшим объектом русской колонизации начиная с XIII в.

§1. «Историография и источники». Проблеме русской колонизации Верхнего Прикамья посвящена обширная историография. Она во многом связана с публикацией источников и их оценкой в «Трудах» Пермской и, отчасти Вятской архивных комиссий, но особенно в обобщающей работе местного историка-краеведа В.Н.Шишонко «Пермская летопись» (Шишонко В.Н., 1881-1889). Большое внимание публикации источников уделил А.А.Дмитриев, который, помимо исследования проблем истории региона XVI-XVII вв., анализировал период его заселения до появления здесь Строгановых (Дмитриев А.А., 1901). В.Н.Трапезников также подчеркивал появление русских крестьян в Прикамье задолго до Строгановых (Трапезников В.Н., 1911).

В послереволюционные годы проблем заселения Верхнего Прикамья касался А.А.Савич, отметивший соперничество Новгорода и Москвы за эти земли и роль стихийной крестьянской колонизации (Савич А.А., 1925). Вопросы возникновения первых русских городов в Перми Великой в XV в. рассматривал Л.Е.Иофа (1951). Археологические раскопки русских городов и архивные изыскания вызвали многочисленные публикации В.А.Оборина, ознаменовавшиеся выходом итоговой монографии (Оборин В.А., 1990).

Из числа письменных источников наиболее ранние сведения по Верхнему Прикамью дали русские летописи и отдельные акты-источники, сообщившие первые в его истории даты: 1220, 1324, 1332, 1333, 1363, 1451, 1455, 1462, 1467, 1472, 1481, 1483, 1501, 1505 (История Урала, 1989).

Археологические источники во многом прояснили слабо изученные страницы истории региона.

Начало исследования славяно-русских древностей региона связано с именем В.Н.Берха, который провел первые в крае раскопки на Искорском городище и обследовал древнейшие соляные промыслы на р.Боровой (Берх В.Н., 1821). Во второй половине XIX в. древнерусские предметы собирали С.В.Ешевский, В.А.Волегов, С.И.Сергеев, Н.Н.Новокрещенных, И.Я.Кривошеков, А.Е., А.А. и Ф.А.Теплоуховы. Особенно много их оказалось в коллекции последних и частично были опубликованы А.А.Спицыным (1902). В начале XX в. русские памятники исследовал П.С.Богословский (1924). В советское время славянским древностям Верхнего Прикамья уделили внимание М.В.Талицкий (1951) и А.П.Смирнов (1952). Впервые определил задачу исследования русских древностей края О.Н.Бадер (1950), нацеливший на эту тему В.А.Оборина. С деятельностью последнего и его учеников и связано изучение славяно-русских памятников региона.

В настоящее время в Верхнем Прикамье известно 37 пунктов местонахождений древнерусских вещей и керамики, а также 41 пункт находок поволжско-финских и прибалтийско-финских предметов, ареал которых во многом совпадает с распространением первых, сосредотачиваясь преимущественно на севере региона и в бассейне р.Иньвы свидетельствует о едином славяно-финском потоке. Можно говорить первоначально об импорте вещей, а затем и о проникновении славян и финнов (в том числе ославяненных) с территории Древней Руси Вымской земли и, в какой-то мере, Волжской Болгарии. Не исключено, что процесс древнерусского заселения региона начался еще с конца домонгольского – начала золотоордынского времени. Об этом свидетельствуют находки на ряде поселений родановской культуры раннеславянской керамики (Анюшкар, Роданово, Красная Горка).

О древнерусских поселенцах на Верхней Каме могут до некоторой степени свидетельствовать и находки христианских крестов и писанки XI-XII вв. Существуют древнерусские изделия, символизирующие и языческие верования славян, в частности подвеска-топорик и антропоморфные фигурки, связываемые рядом автором с культом Перуна, который был, возможно, заимствован и по-своему

интерпретирован аборигенным населением (Оборин В.А., 1990; Бординских Г.А., 1992; 1995).

Большая часть прочих славяно-русских изделий могла попасть в Верхнее Прикамье как в результате торговых операций через Волжскую Болгарию или Пермь Вычегодскую, так и с древнерусскими их владельцами (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, перстни, височные подвески, лунницы, решетчатые подвески, лировидные пряжки, бусы, витые и шарнирные браслеты, серебряные сосуды и монетные гривны, мечи, боевые топоры, сошники и некоторые другие вещи). Местное коми-пермяцкое население заимствовало у древнерусских людей, кроме того, передовые приемы земледелия (Оборин В.А., 1990) и металлообработки (Завьялов В.И., 1990).

Однако о массовой русской колонизации Верхнего Прикамья можно говорить лишь с XIV – начала XV в., когда возникают сельские и городские поселения в основном со смешанным русско-пермяцко-зырянским населением. В числе поселений этого периода назовем Редикорское, Корнинское, Эсперово, Урольское, Искорское, Чердынское городища, Покчинское и Мелехинское селища (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968; Оборин В.А., 1977б; 1990; Бординских Г.А., 1991). Археологические исследования на этих памятниках в той или иной степени проводились (Оборин В.А., 1975а; 1990а, 1992;). Часть из них (Чердынь, Искор) упомянута в летописном рассказе под 1472 г., причем Чердынь известна с 1451 г. (Вычегодско-Вымская..., 1958), а вот фигурирующие там же Урос, Покча и Анфаловский до сих пор не нашли места постоянной "прописки" и связываются учеными с разными городищами (Бординских Г.А., 1994).

§2. «Поселения». Наибольшее количество древнерусских материалов обнаружено на городских поселениях. По мнению исследователей первым русским городом края стал *Анфаловский городок*, возникший на рубеже XIV-XV вв., но местоположение которого пока не установлено. По подсчетам Г.А.Бординских имеется около 10 гипотез его местонахождения, размещающих памятник в основном в междуречье Камы, Вишеры и Колвы на родановских городищах (Бординских Г.А., 1994; Колбас В.С., Зиновьева А.П., 1995). Ссылка В.Н.Берха на малодостоверные сведения о начале *Соликамска* около 1430 г. (Берх В.Н., 1821) археологического подтверждения пока не нашла: выявлены древности не ранее второй половины XVI в., хотя впервые даже в летописях он упомянут под 1506 г.

Реально в распоряжении исследователей имеются материалы двух других древнейших городских поселений края – Чердыни и Искора.

Чердынь (Троицкое городище, около 1,3 га) расположено на месте родановского укрепленного поселения и в 1451 г. стала резиденцией первых московских наместников – князей великопермских. Обследовалось И.А.Талицкой (1947), О.Н.Бадером (1949), В.А.Шмыровым (1972, 1976), обнаружившим укрепления из внутривальных клетей и рубленных из бревен городней (Шмыров В.А., Отчет за 1972 г., 1974). В.А.Оборин (Отчет за 1984 г.) считал, что в сооружении вала наряду с русскими участвовали и коми-пермяки.

В 1984 г. В.А.Оборин выявил два яруса обугленных городней боковой стены, а в мысовой части – две срубные постройки XV-XVI вв. со следами печей. Исследовались и посадские напластования города XVI-XVII вв. (Оборин В.А., 1998). Анализ керамики был дополнительно проведен автором (Макаров Л.Д., 1999).

Искор, впервые упомянутый под 1472 г., трактуется учеными как феодальный замок, временная резиденция русского наместника, военная застава (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958; Оборин В.А., 1977а, 1990). При этом делается ссылка на малую площадь (800 кв.м.) "княжьего места" (пространство между двумя валами), в то время, как общий размер мыса, огражденного тремя валами, составляет около 0,6 га, что позволяет считать памятник, особое положение которого бесспорно, городским поселением уже с первой половины XV в. (Бординских Г.А., 1994). Городище исследовали: В.Н.Берх (1819), В.Попов (1891), В.И.Сергеев (1895), Н.Н.Новокрещенных (1898), И.А.Талицкая (1947), В.Ф.Генинг (1949), Г.С.Аноприева и В.Ю.Лещенко (1963). В.А. Оборин провел здесь раскопки в 1975, 1976 и 1980 гг. От обширных исследований В.Н.Берха не сохранились ни вещи, ни какой-либо полевой документации (Оборин В.А., отчет за 1975 г.).

В.А.Оборин отнес древнейшие укрепления и святилище с погребением двух детей, принесенных в жертву язычниками к позднеродановскому времени. (Оборин В.А., отчет за 1976 г.; 1977; 1977а). По его мнению, святилище было разрушено русскими в ходе христианизации языческого населения Перми Великой в XV в. (1455 и 1462 гг.), затем перекрыто подсыпкой вала, а на этом месте построена деревянная часовня, рядом с которой и возникло кладбище христиан и язычников. Исследовано 18 детских погребений с крестиками и гирьковидными подвесками XVI-XVII вв., расположенных в 10 рядов (Оборин В.А., 1990). Русские значительно укрепили второй вал городища, установив на нем бревенчатые городни, а также возвели, третий (внутренний) вал до 1,5 м высоты, по гребню которого поставили частокол с примыкающим к нему бревенчатым накатом. На южной части

площадки обнаружены остатки четырех небольших жилых построек, а также хозяйственные ямы, металлургические сооружения, кострища и открытые очаги. Отметим, что древнерусские поселенцы могли быть жителями поселения еще до сооружения святилища или во время его функционирования, поскольку в подстилающем его культурном слое вместе с родановской и вымской посудой выявлена ранняя русская керамика. В древнерусских напластованиях обнаружено значительное количество разнообразных находок – оружие, орудия труда, украшения, предметы быта, керамика, культовые предметы.

Из числа других укрепленных поселений, где проживали русские, отметим несколько городищ. В.А.Оборин считал, что летописный городок *Урос*, единственный раз упомянутый под 1472 г., располагался на Урольском городище (0,4 га), где он и провел раскопки в 1981 г., зафиксировав сооружения и находки родановской культуры, болгарской и вымской керамики, а также русской посуды с линейным орнаментом XV в. (Оборин В.А., 1983, 1990). Г.А.Бординских в 1994 сопоставил Урос с Корнинским городищем, на котором также найдена русская керамика второй половины XV – начала XVII в. (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968). Но, по-видимому, следует вернуться к первоначальной идее В.Н.Берха о расположении города в урочище Пустой Урол, где им были обнаружены остатки усадеб, печей и других сооружений (Берх В.Н., 1821). При шурфовке рядом с часовней в память об убиенных в Уроле А.Ф.Мельничук обнаружил яму с находками XV-XVI вв. – большим количеством керамики, костяной накладкой с циркульным орнаментом и обломком цилиндрического замка.

На *Редикорском городище* (0,4 га), существовавшем в ломоватородановское время, В.А.Оборин обнаружил русские вещи XV-XVI вв. (Оборин В.А., 1972; 1977а). Совместное залегание древнерусской и родановской керамики зафиксировал вокруг очага полуземлянки на *Эсперовом городище* Г.А.Бординских (1990; 1991). На соотносимом с *Анфаловским городком Лобанихинском городище* Г.А.Бординских нашел несколько фрагментов русской керамики XV-XVII вв. (Бординских Г.А., 1994). Не исключено, что остатками известного по летописям городка *Покча*, бывшего официальным центром Перми Великой в 1472-1535 г. (Оборин В.А., 1976а) и до сих пор не обнаруженного, является Покчинское селище, на котором выявлена и русская керамика (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968). Отметим также *Мелехинское селище*, на котором в двух ямах найдена русская керамика, в том числе фрагмент днища с клеймом в виде соляного знака (Оборин В.А., отчет за 1962 г.; 1977а).

Постройки. В Чердыни на Троицком городище два обгоревших бревенчатых жилища длиной 5,5 и 5 м с остатками печей зафиксированы на раскопе III в мысовой части памятника. Бытовой состав находок (гвозди, ножи, сапожные подковки, крюк, керамика, кости животных и рыб) не оставляют сомнений в жилом характере построек. Их интерпретация В.А.Обориным (1992; 1998) в качестве жилищ сторожей (по-видимому, из-за относительно небольшого размера) плохо вяжется с находками во втором доме двух серебряных монет (Василий II и Иван III), а также бронзовой печати.

В Искоре постройки обнаружены также на мысовой части памятника. На раскопе II (1975 и 1976 гг.) расчищены остатки бревенчатого сруба (2,5x2,5 м) с глиняным подпечьем в центре (по предположению В.А.Оборина, это охотничья избушка), основание металлургического сооружения, фрагмент мусорной ямы, кострище и два открытых глинобитных очага (Оборин В.А., отчет за 1975 г.; 1977). На раскопе III (1976 и 1980 гг.) выявлены остатки трех срубных построек, расположенных в одну линию. Одна из них – изба (5x3 м) – имела глинобитную печь в углу. Под углом другой (3x2 м) обнаружен череп собаки (очевидно, строительная жертва), а от третьей исследован фрагмент с признаками глинобитной печи. В этом же ряду располагались очажное пятно и хозяйственная яма. На противоположной стороне "улицы" (ближе к краю площадки) зафиксированы следы производственных сооружений (Оборин В.А., 1977; отчет за 1980 г.).

Пока не известны древнерусские могильники региона, можно лишь предполагать, что часть погребений Кудымкарского могильника могла быть заполнена в XV-XVI вв. могилами язычников и православных из числа пермяков и русских (Оборин В.А., 1977б; Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., 1996).

§3. «Материальная культура». Выделение древнерусских материалов из массы находок первой половины II тыс.н.э. осложнено наличием на памятниках Верхнего Прикамья болгарского импорта. Бесспорно древнерусскими являются керамика и предметы христианского и славянского языческого культов, некоторые орудия труда, предметы вооружения и отдельные украшения, особенно если они обнаружены в русском культурном слое.

Орудия труда. Обнаружены признаки металлургического производства: шлаки, крицы, куски глиняной обмазки от построек, полуфабрикаты и сами железные изделия. О развитии ювелирного дела свидетельствуют медные шлаки, пинцет и предметы из цветного металла. Представительны деревообрабатывающие инструменты – рабочие

топоры, скобели, фрагменты долот и обломок стамески, ложкарь. Имеются отдельные приспособления для плетения (кочедыки), прядения (пряслица) и портняжного дела (ножницы). Немало и орудий универсального характера – ножей, шильев, точил. Из сельскохозяйственных орудий отметим сошники, (по В.Н.Берху - ральники) и фрагменты кос-горбуш. Важное место занимали промыслы – охота (наконечники стрел, кости диких животных) и рыболовство (кости и чешуя рыб, грузила, крючки, лодочные скобы). О развитии торговли говорят находки монет и привозных изделий.

Бытовой инвентарь: металлические элементы построек (замки, ключи, пробой, запорные петли, скобы, гвозди), предметы домашнего обихода (светцы, металлическая и глиняная посуда, подвесные крюки), личные вещи (обрывки обуви, подковки, кресала и кремни, детали поясов).

Вооружение представлено боевыми ножами, топорами, мечами, обломком сабли, наконечниками копий и стрел, втоком, бердышем, сбруйной пряжкой, ядрами пушек и пищалей.

Украшения: перстни, височные кольца, подвески, бусы. Из предметов христианского культа: кресты-тельники, энколпионы, иконка. О сохранении языческих суеверий говорят костяные амулеты. К атрибутам власти относятся печати – бронзовая матрица и свинцовая булава.

Керамика. Коллекция русской глиняной посуды в основном происходит из Чердыни (358 сосудов) и Искора (около 100), около половины ее относится к XV – первой половине XVI в., остальная – к более позднему времени. Она изготовлена на гончарном круге из теста с примесью песка, реже дресвы, шамота, сухой глины, и имеет достаточно качественный обжиг. По керамике Чердыни выделены: местная (351 экз.) и привозная (7) (Макаров Л.Д., 1999). В местной посуде абсолютно преобладают горшки (3 типа по оформлению горловины и 36 разновидностей венчиков), единичны чашевидные (19 экз.); кринки (1 экз.); амфора корчагообразная (1 экз.); кувшины (1 экз. и 2 ручки); крышка (1 экз.) Значительная доля ранней керамики украшена линейно-волнистым орнаментом, единично - насечками. Наряду с русской керамикой местного производства выявлено небольшое число и привозной посуды более позднего (с середины XVI в.) времени – московской чернолощеной, зеленой поливной и краснолощеной (Макаров Л.Д., 1999). Родановская керамика некоторое время сосуществовала с древнерусской и вымской (Оборин В.А., 1977а), что подтверждает вывод об этнически смешанном составе населения

Чердыны в XIV-XV вв., а возможно и в более позднее время. Керамика Искора дает приблизительно ту же картину.

§4. «Особенности древнерусских находок в верховьях Камы – в пограничье Перми Великой, Вымской и Вятской земель». Рассматриваемый регион в системе Верхнего Прикамья занимает особое место вследствие своего специфического исторического прошлого, во многом вызванного географическим положением данной территории. Начальный этап проникновения славянской материальной культуры, а вслед за тем и русских поселенцев в Верхокамье, хотя и привлекал внимание исследователей, однако не был предметом специального изучения. Пожалуй, единственно, на что обращали свои взоры историки и краеведы, так это на время возникновения г.Кайгорода – центра одноименного уезда, охватывавшего все Верхокамье. Они указывали точную дату постройки города (обычно 1558), связывая ее с деятельностью Строгановых в середине XVI в. (Макаров Л.Д., 1995в). А.А.Дмитриев высказал догадку о том, что Строгановы не основали, а «только укрепили и обстроили его» (Дмитриев А.А., 1889). Однако, их владения появились в Кайгороде лишь в 1609 г. (Введенский А.А., 1962). В административном отношении Верхокамье безоговорочно причислялось к Перми Великой, при этом выражалось недоумение отсутствию его описания у И.Яхонтова в 1579 г. (Дмитриев А.А., 1889). С публикацией в 1958 г. Вычегодско-Вымской летописи прояснилось, что верховья Камы были переданы в состав Перми Великой только в 1586 г. А до этого верховья Камы и Сысолы составляли единую волость и входили в состав Вымской земли.

Поскольку письменные источники малоинформативны, решающее слово остается за археологией. На родановских памятниках или в виде кладов еще в конце прошлого века обнаруживались находки, изготовленные русскими мастерами в X-XIV вв.: лунницы, рубчатые перстни, зооморфные подвески, сошники, топоры (Первухин Н.Г., 1896а; 1896б; Ильин А.А., 1921). В ходе раскопок отрядами Камско-Вятской экспедиции в 1970-е – 1980-е гг. дополнительно выявлены: бусы, лировидные пряжки, косорешетчатые и крестовидные подвески, многобусинные височные кольца, серьги в виде вопросительного знака, замки, ключи, кресала, ножи, сверло (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989).

Абсолютное большинство этих предметов попало в верховья Камы в результате торговых контактов, поскольку традиционной славяно-русской керамики при них не найдено (Макаров Л.Д., 1997). Итак, русские приходят в северную часть Верхокамья не ранее конца XIV – начала XV в., о чем говорят находки керамики и финских подвесок близ

с.Гидаево, сделанные А.А.Спицыным в конце XIX в. Центром уезда Кайгород сделался, вероятно, сразу после передачи Верхокамья в состав Перми Великой. Южная, зюздинская часть региона осваивалась, по-видимому, с конца XVI в. (Жеребцов Л.Н., 1982). В ходе исследований здесь удалось обнаружить более 30 памятников с круговой керамикой и другими находками XVI-XVIII вв., которые можно условно отнести к русским, что объясняется чертами смешения традиций русского и пермского гончарства.

Таким образом, в XI-XII вв. *Верхнее Прикамье* было даннической территорией Новгорода. С XIII в. на родановских поселениях появляется древнерусская керамика домонгольского облика, документирующая появление славян в регионе. По-видимому, к этому времени здесь уже существовали разрозненные туземные раннефеодальные княжества, известные с XIV в. под общим названием Пермь Великая. Пока неясны ни размеры, ни структура, ни степень "зрелости" этих образований, но вряд ли они имели какие-то четкие признаки развитой государственности. С началом массовой миграции русских в XIV – начале XV в. история Перми Великой вступает в качественно новую фазу: возникают первые поселения городского типа с участием коми-пермяков (Анфаловский, Искор, Чердынь), ставшие центрами волостного характера, но одновременно сохраняются и пермские родовые "гнезда". Ядром складывающегося полиэтничного государства являлась сравнительно небольшая территория в низовьях рек Колвы и Вишеры и прилегающего течения р.Камы, где особенно ощутимым было присутствие русских поселенцев. Но процесс сложения сильной Перми Великой был насильственно приостановлен в 1451 г., когда сюда был направлен в качестве наместника Москвы "от роду верейских князей" Михаил Ермолич (Вычегдо-Вымская..., 1958). При этом пермская знать сохранила, по-видимому, не только свои родовые владения (Бординских Г.А., 1994), но и политическое влияние. Не исключено, что решение об отказе пермского руководства от участия в походе на Казань в 1471 г., было принято под давлением "княжат". Неспроста в ходе карательной акции Ф.Пестрого на Пермь в 1472 г. родовые владения местной знати, попытавшейся оказать сопротивление, были разорены, а столичная Чердынь, где жил наместник, осталась не тронутой и внутренняя оппозиция политике московского наместника была разгромлена. Пермь Великая из государства со складывающимися вечевыми традициями преобразовалась, по существу, в удельное княжество великопермских князей, претендовавших на политическую автономию. Поэтому логичным завершением пермской

государственности явилось отстранение местных князей от власти (1505 г.), ликвидация остатков независимости территории и установление статуса периодически сменяемых наместников.

Четвертая глава «Древнерусские материалы Юго-Восточного Прикамья». Под Юго-Восточным Прикамьем понимается соответствующая территория бассейна р.Камы, включающая три составляющих: Среднее Прикамье, бассейн р.Сылвы, северную половину бассейна р.Белой, близких по ряду признаков географической и климатической близостью, своеобразным этническим фоном (районы контактирования славяно-русского, финно-угорского и тюркского компонентов), относительно поздним (не ранее XIII-XIV вв.) проникновением русских поселенцев.

§1. «Памятники бассейна р.Сылвы с древнерусскими материалами». Письменные источники относят возникновение первых русских поселений в низовьях р. Сылвы к последней трети XVI в., когда в 1570 г. Строгановы zaloжили Сылвенский острожек, вокруг которого складывается сельская округа (Дмитриев А.А., 1889; 1900; Оборин В.А., 1990б). Среднее течение реки в этот момент в состав земель, населенных русскими, еще не входило (Дмитриев А.А., 1892). Считалось, что о массовом русском заселении края можно говорить лишь с первой четверти XVII в., Однако при помощи археологических исследований этот вывод удалось скорректировать. Еще в 1903 г. в уезде нашли створку бронзового энколпиона XI-XIII вв. (Прошлое Урала..., 1993). В разрушенной части Кишертского могильника обнаружен серебрянный с позолотой медальон из женского оплечья с изображением процветшего шестиконечного креста, украшенный растительным узором (Пастушенко И.Ю., 1991), во многом аналогичный древнерусским находкам XII-XIII вв.

В последние годы отрядами КВАЭ на 15 поселениях бассейна Средней Сылвы обнаружена русская гончарная посуда, которой особенно много выявлено в верхних слоях Верх-Саинского I городища (раскопки Р.Д.Голдиной). Всего отобрано для обработки около 50 сосудов XIII-XVI вв. Посуда изготовлена из теста с примесью плохо просеянного песка. Выделено 20 типов горшков (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995). На поселениях найдены предметы (замки и ключи, булавки с кольцами, кочедыки, кресала, некоторые виды украшений), которые исключая булавки, в равной степени могли быть оставлены и русскими, и болгарскими поселенцами (Макаров Л.Д., 1997), а "чистых" этнокультурных комплексов с соответствующей керамикой пока не обнаружено. Представляется, что на Сылву немногочисленное

древнерусское население впервые попадает в ордынский период и проживает здесь, по-видимому, до середины XVI в., откуда вытесняется башкирскими племенами (Пастушенко И.Ю., 1993).

§2. «Древнерусские памятники Среднего Прикамья». Почти все древнерусские находки выявлены в удмуртской части региона. Еще в 1894 г. Ф.Д.Нефедов обнаружил при осмотре площадки Ильнешского (Ныргындинского I) городища древнерусскую бронзовую булаву XII-XIII вв. и длинный железный меч (Нефедов Ф.Д., 1899а). Выявлены здесь и находки монетных серебряных слитков: в Перевознинской волости (1892 г.) и в д.Быргында (1894 г.) (Ильин А.А., 1921). В 1970-1972 гг. там же проводились исследования Зуево-Ключевского I городища, в ходе которых в юго-восточной части площадки выявлены следы поселения: хозяйственные ямы, Русские железные вещи и бронзовые украшения XIV-XV вв. В 1997 здесь обнаружены фрагменты древнерусской посуды. К северо-востоку от поселения выявлено 5 погребений с украшениями XIV-XV вв. и признаками древнерусского погребального обряда (Макаров Л.Д., 2003). Отрядами КВАЭ обнаружены: славянская накладка на Благодатском I городище (Ютина Т.К., 1990), арочная шумящая подвеска финского типа, железные кольчатые удила и древнерусская булавка-спица на Быргындинском IV поселении (Клюева Г.Н., 1984). В 1984 г. В.В.Опариным передан змеевик XIV в., найденный в окрестностях с. Малая Пурга (среднее течение р.Иж). В 1985 г. И.Г.Шапран обнаружила Пуроможгинское селище с древнерусской керамикой XIII-XIV вв., а Т.И.Останина – аналогичную посуду нашла на Кузебаевском городище в 1977 г. (Останина Т.И., 2002, рис.22-12).

В 1997, 1998, 2002 гг. первые древнерусские находки в осинской части Среднего Прикамья обнаружил Д.А.Салангин: на Большеголовнинском III и Нижегородиченском V поселениях выявлены древнерусская круговая посуда и вещи, древнейшие из которых датируются XIII-XV вв. В 2002 г. русский керамический комплекс XV-XVI вв. выявлен на Ермашинском городище.

В междуречье рр. Ик и Белая Е.П.Казаков (1978) обнаружил древнерусскую керамику и перстень со свастикой XIII-XIV вв. Серебряные слитки новгородского типа найдены в низовьях Белой.

§3. «Древнерусский компонент памятников бассейна р.Белой». Известны отдельные находки древнерусского происхождения: в 1914 г. в верховьях р.Демы был найден Петровский клад золотоордынского времени (XIV в.), в состав которого входили и перстни – рубчатый X-XIII вв. и с овальным щитком, украшенным зернью и вставкой (Археологические памятники Башкортостана..., 1996, табл.16-8,9); на

Уфимском (Чертовом) городище выявлен железный замок древнерусского облика (там же, 1996, табл.16-23), связанный, вероятно, с жилыми полуземлянками, отапливавшимися угловыми печами (Гарустович Г.Н., 1998). В 1980-е годы А.И.Лебедев обнаружил в северо-восточной части Башкирии (нижнее течение р.Ай): на Усть-Айском, Метелинском II, Большеустьикинском, Юнусовском поселениях и Абдуллинском городище толстостенную горшковидную посуду, датирующуюся, очевидно, XIV-XVI вв. С этой керамикой связаны, по-видимому, отдельные хозяйственные ямы и находки глиняных пряслиц, грузил, железных предметов. Среди многих памятников Башкирии, отнесенных в целом к позднему средневековью, могут оказаться (если судить по описанию гончарной керамики) и древнерусские.

Таким образом, регионы *Юго-Восточного Прикамья* (Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и Белой) заселялись древнерусскими людьми, по-видимому, лишь в золотоордынское время и весьма малочисленными коллективами. Исходными районами их миграции могли быть как территория Волжской Болгарии, так и Северное Прикамье, хотя не исключается вероятность инфильтрации сюда и выходцев из собственно Древней Руси. Внутренние пространства камского бассейна (верховья Камы и Вятки, таежные районы северных притоков этих рек, глубинные территории Камско-Вятского и Волго-Вятского междуречий) осваиваются русскими поселенцами в относительно более поздний период – по-видимому, не ранее XIV-XV вв. (Макаров Л.Д., 1994б). Лесостепные и степные просторы Закамья и бассейна р.Белой заселяются в эпоху, уже выходящую за рассматриваемые хронологические рамки, – во второй половине XVI-XVII вв.

В **«Заключении»** показано, что археологические и исторические источники позволяют достаточно надежно проследить хронологию, динамику и особенности процесса расселения выходцев из Древней Руси в разных районах Прикамья, уклад жизни населения и характер взаимодействия древнерусской культуры с местными прикамскими традициями.

Проникновение древнерусского импорта через Поморье и Волжскую Болгарию способствовало знакомству населения Прикамья с иной материальной культурой. Походы новгородцев за данью и более тесные торговые контакты Руси с Волжской Болгарией подготовили почву для интенсивных связей с Прикамьем. Прослеживается процесс перехода от военно-религиозных причин (X-XII вв.) появления древнерусских людей в регионе к экономическим (XIII-XV вв.). Систематизированный археологический комплекс материалов в сопоставлении с письменными

источниками дает картину смешанного славяно-финно-пермского облика, свидетельствующую о взаимной интеграции различных по происхождению культур. Достаточный мирный характер взаимоотношений между выходцами из Древней Руси и местными жителями обусловлен экономическими факторами, прежде всего, близостью хозяйственного уклада и взаимовыгодной торговлей.

Монголо-татарская экспансия вызвала особенно активный отток населения из разоренных русских земель и консолидацию его с местным населением в рамках государственных образований на Средней Вятке и Верхней Каме. В то же время отдельные небольшие группы древнерусских поселенцев уходят в глубинные районы Прикамья (Среднее Прикамье, Сылва, Уфа, верховья Камы и Вятки). К концу XV – началу XVI в. самостоятельность Вятской земли и Перми Великой была уничтожена, и весь север Прикамья оказался в составе централизованного русского государства. Одной из главных причин такого хода событий явилась внешняя опасность (особенно в лице Казанского ханства), по существу заставившая Москву объединить усилия всех русских земель. После ликвидации Казанского ханства и некоторых других враждебных России полукочевых государств, в Прикамье, Поволжье и на Урале сложилась иная этнополитическая ситуация, исследование которой выходит за хронологические рамки данной работы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

1. Макаров Л.Д. Баллада о Чуршинском городище. Окрестности п. Первомайского в древности. Слободской, 1995. 68с. (В соавторстве с Серкиным С.П.)
2. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 143с.
3. Макаров Л.Д. Очерки истории Вятского края // История и культура Вятского края. М.: Академический проект; Киров: Константа, 2005. Т.1. 292+38 с. (серия «Этнокультурное наследие Вятского региона». Т.3). (В соавторстве с Ванчиковым В.В., Коваленко В.В., Мусихиным В.Е. и др).

Статьи и публикации:

4. Макаров Л.Д. Исследование средневековых памятников на Средней Вятке // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С.152-153.
5. Макаров Л.Д. Исследования древнерусских памятников в Котельническом районе Кировской области // АО 1982 г. М.: Наука, 1983. С.156-157.
6. Макаров Л.Д. Исследования древнерусских памятников на Средней Вятке // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С.158.
7. Макаров Л.Д. Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С.66-88.
8. Макаров Л.Д. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2. С.94-119.
9. Макаров Л.Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис... к.и.н. Л., 1985. 16 с.
10. Макаров Л.Д. Исследование поселения Искра // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С.160.
11. Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С.45-54.
12. Макаров Л.Д. Разведочные работы на Средней Вятке //АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С.138-139.

13. Макаров Л.Д. Исследования Камско-Вятской экспедиции // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С.148-153. (В соавторстве с Арматынской О.В., Водолаго Н.В., Голдиной Р.Д. и др.).

14. Макаров Л.Д. Археологические исследования в Кировской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С.24-26.

15. Макаров Л.Д. К вопросу о финно-угорском компоненте в археологических материалах древнерусских поселений на Средней Вятке // Материалы IV Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т.1. С.67-69.

16. Макаров Л.Д. Развитие пахотных орудий Вятской земли в феодальную эпоху (по археологическим данным) // Взаимодействие технического и социального прогресса в эпоху феодализма: Информационные материалы. Свердловск, 1989. С.14-17.

17. Makarov L.D. Pagan and Christian traditions in the area between the Kama and the Viatka Rivers during the Middle ages // Traditional folk bee of today. Conference dedicated to – the 90 thanniversary of Oscar Zoorits. Tartu, 1990. P.79-82.

18. Макаров Л.Д. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII-XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С.63-73.

19. Макаров Л.Д. Взаимодействие славянской и финно-угорской культуры в Камско-Вятском междуречье // Congressus septimus internationalis finno-ugristarum / Debrecen, 27. VIII-2 IX.1990. Debrecen, 1990. P.246-251.

20. Макаров Л.Д. Исследования в городе Кирове и Костромской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С.44-46.

21. Макаров Л.Д. Пахотные орудия Вятской земли в феодальную эпоху // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991. С.363-367.

22. Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII-XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С.140-154.

23. Макаров Л.Д. Полевые наблюдения в зоне Воткинского водохранилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С.64-65. (В соавторстве с Широбоковой И.С.)

24. Макаров Л.Д. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI-XVIII вв. как исторический источник // История, историография, источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С.60-77.

25. Макаров Л.Д. Вятская земля в представлениях средневековых картографов // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С.176-180.

26. Макаров Л.Д. История Вятской земли XII-XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск, 1992. С.81-95.

27. Макаров Л.Д. Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С.44-51.

28. Макаров Л.Д. О хронологии древностей Хлыновского Кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова). Киров, 1992. Т.1. С.43-45.

29. Макаров Л.Д. Изразцы города Вятки // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова). Киров, 1992. Т.1. С.85-86. (В соавторстве с Салангиным Д.А.).

30. Макаров Л.Д. Государственное устройство Вятской земли в XIII-XV вв. (К постановке проблемы) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы научной конференции. Ижевск, 23 октября 1993 г. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. С.56-65.

31. Макаров Л.Д. Славянские языческие амулеты со Средней Вятки // Плесский сборник: Материалы научно-практической конференции. Плес, 1993. Вып.1. С.197-201.

32. Макаров Л.Д. О сословной структуре населения Вятской земли до конца XV в. (К постановке проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л.В.Черепнина. Тез. докл. Москва, 13-16 июня 1994 г. М., 1994. Ч.1. С.306-318.

33. Макаров Л.Д. Возникновение и первоначальное развитие города // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Киров: АО «Городская газета», 1994. Т.1. Города. С.10-34.

34. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994 (АЭМК. Вып.23). С.155-184.

35. Макаров Л.Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994. С.166-189.

36. Макаров Л.Д. Взаимодействие язычества и православия в Приуралье (II тыс. по Р.Х.) // Церковная археология: в 3-х частях: Материалы I Всероссийской конференции. Псков, 1995. Ч.1. С.116-118.

37. Макаров Л.Д. Вятская земля и Арское княжество: проблемы взаимоотношений // Заказанье: Проблемы истории и культуры: Материалы конференции. Казань, 1995. С.105-107.
38. Макаров Л.Д. Об археологической изученности русских городов Вятского края // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции Березники, 1995. С.55-57.
39. Макаров Л.Д. Русские поселенцы на берегах Вятки // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Киров, 1995. Т.4: История. С.76-91.
40. Макаров Л.Д. Славяно-русское заселение бассейна р.Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII-XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С.80-107.
41. Makarov L. Keskaaja kristlus ja paganlus Kaama-Vjatka Jogikonnas // Rahvausund tanapaeval. Tartu, 1995. S.258-271.
42. Makarov L. Pagan and Christian realia in the Culture of the Pre-Kama region inhabitants in the II century AD. // Folk Belief Today. Tartu, 1995. P.308-318.
43. Макаров Л.Д. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С.5-18. (В соавторстве с Пастушенко И.Ю. и Салангиным Д.А.).
44. Макаров Л. Древнерусская колонизация бассейна реки Камы // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1996. P.VII. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia. С.340-343.
45. Макаров Л.Д. Древнерусские нательные кресты Вятской земли (из археологических раскопок) // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. Т.1. С.163-166.
46. Макаров Л.Д. О древнерусских культовых постройках Вятской земли (XII-XV вв.) //Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии: Материалы полевого симпозиума. Пермь, 1996. С.53-57.
47. Макаров Л.Д. О древних святых и крестных ходах Вятской земли // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: В 2-х т. Сыктывкар, 1996. Т.1. С.146-152.

48. Макаров Л.Д. Удмурты в истории Вятской земли XII-XVI вв. // Историческое познание: традиции и новации: Материалы Международной теоретической конференции (26-28 октября 1993 г.). Ижевск, 1996. Ч.1. С.83-92.

49. Макаров Л. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. №2. С.23-49.

50. Makarov L.D. Die Udmurten in der Geschichte des Wjatka-Gebiets im XII-XVI Jhd. // Congressus primus historiae Fenno-Ugricae. Historia Fenno-Ugrica I:2. Oulu, 1996. С.55-63.

51. Макаров Л.Д. К изучению древнерусских памятников в Нижнем Прикамье // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана: Материалы секции археологии Всероссийская научно-практическая конференция. Казань, 1997. С.60-64.

52. Макаров Л.Д. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга): Материалы международного научного симпозиума. Киров, 1997. С.39-57.

53. Макаров Л.Д. Славяне между Волгой и Уралом в X-XV вв. (по археологическим материалам) // Труды VI МКСА. Т.1: Проблемы славянской археологии. М., 1997. С.296-306.

54. Макаров Л.Д. Сложение связей с западными землями и пути древнерусского заселения Камского бассейна (вторая половина I – первая половина II тыс.) // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы межд. Научно-практической конференции. Березники, 1997. С.38-41.

55. Макаров Л.Д. Этапы взаимодействия финно-угорской и древнерусской культур Прикамья // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития: Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Ч.II. С.73-77.

56. Макаров Л.Д. Основные проблемы славяно-русской археологии: Методическая разработка для студентов IV курса исторического факультета, специализирующихся по археологии и истории первобытного общества. Ижевск, 1997. 43с. (В соавторстве с Черных Е.М.).

57. Макаров Л.Д. Архитектурно-строительные остатки древнерусских городов Прикамья // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г.Верхотурья: Тез. докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 1998. С.131-134.

58. Макаров Л.Д. Военное дело вятчан в XII-XV вв. // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы межд. конф. СПб., 1998. С.216-219.

59. Макаров Л.Д. Древнерусские археологические памятники Слободского района (комплекс у с.Никульчино) // Слободской и слобожане: Материалы III научно-практической конференции. Слободской, 1998. С.10-13.

60. Макаров Л.Д. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна р.Камы // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С.137-153.

61. Макаров Л.Д. М.П.Грязнов и Вятка: Материалы архива Института истории материальной культуры Российской Академии Наук // Архивы и общество: История, современность, перспективы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию государственных архивных органов Удмуртской Республики. Ижевск, 1998. С.36-41.

62. Макаров Л.Д. Основные итоги изучения памятников древнерусской (русской) колонизации бассейна реки Камы // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. Ч.1. С.89-93.

63. Макаров Л.Д. П.Н.Луппов о древнерусской колонизации Вятского края // Историк. Время. Архивы: К 130-летию со дня рождения П.Н.Луппова (1867-1949 гг.): Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 1998. С.27-32.

64. Макаров Л.Д. Вятские материалы М.П.Грязнова в Архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1999. Ч.1. С.39-42.

65. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники южных районов Вятского края // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. научных и методических трудов. Н.Новгород, 1999. С.124-130.

66. Макаров Л.Д. Древнерусский керамический комплекс Троицкого городища в г.Чердыни (по материалам раскопок В.А. Оборина) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Пермь, 1999. С.81-89.

67. Макаров Л.Д. История археологического изучения города Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): Материалы Международной конференции Киров, 1999. С.48-57.

68. Макаров Л.Д. Особенности начального этапа древнерусского заселения Прикамья // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. С.210-214.

69. Макаров Л.Д. О типах государственности на севере Прикамья в XIII-XV вв. // Историко-культурное наследие: Новые открытия, сохранение, преемственность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники, 1999. С.37-40.

70. Макаров Л.Д. Славяно-русское население на территории Удмуртии: история и современность // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право: Российский научный междисциплинарный журнал. СПб.-Ижевск, 1999. № 3-4. С.113-124.

71. Макаров Л.Д. Из истории Карсвайского края // Стародубцева С.В. "Ох, распечальное мое сердечко" (Песни из репертуара Натальи Власовой). Ижевск, 1999. Приложение (Русский фольклор Удмуртии. Вып.1). С.206-223. (В соавторстве с Ивановым А.Г.).

72. Макаров Л.Д. Вклад В.Ф.Генинга в исследование славяно-русских памятников Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI века: Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2000. С.217-220.

73. Макаров Л.Д. Вклад Н.Г.Первухина в исследование археологических памятников Вятского края // Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С.44-47.

74. Макаров Л.Д. Древнерусский город Вятка (Хлынов) по археологическим данным // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. М., 2000. (Тр. ГИМ. Вып.122). С.170-176.

75. Макаров Л.Д. К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С.306-314.

76. Макаров Л.Д. Немецкий географ XVI в. Себастьян Мюнстер и Прикамский регион на средневековых картах России // Немцы и Русский Север. М., 2000. С.73-78.

77. Макаров Л.Д. О человеческих жертвоприношениях (по материалам Прикамья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток-Омск, 2000. С.213-215.

78. Макаров Л.Д. У истоков православия в Прикамье (X-XVI вв.) // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы к республиканской научно-теоретической конференции. Ижевск, 2000. С.17-21.

79. Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения и их бытование у древнерусского населения Прикамья // Российская археология; достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2000. С.341-344.

80. Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения у народов Прикамья (попытка анализа археологических источников) // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С.191-195.

81. Макаров Л.Д. Вклад Отто Николаевича Бадера в исследование славяно-русских древностей Камско-Уральского региона // Пермский регион: История, современность, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Березники, 2001. С.12-16.

82. Макаров Л.Д. Восточная периферия Древней Руси и Прикамье в X-XV вв. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право: Российский научный междисциплинарный журнал. СПб.-Ижевск, 2001. С.33-41.

83. Макаров Л.Д. О зарождении государственности на Вятке (XII-XV вв.) // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. С.59-69.

84. Макаров Л.Д. Проблемы древнерусской Вятки в трудах А.В.Эммаусского // Материальная и духовная культура народов Повожья и Урала; история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Г.Е.Верещагина. Глазов, 2001. С.22-24.

85. Макаров Л.Д. Ремесленные мастерские Вятской земли XII-XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции. (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.). Ижевск, 2001. С.184-207.

86. Макаров Л.Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С.143-147.

87. Макаров Л.Д. Итоги и перспективы изучения славяно-русских древностей Нижнего Прикамья // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья; Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2002. С.187-207.

88. Макаров Л.Д. О значении археологических источников в решении проблем древнерусской колонизации Прикамья // Сучасні проблеми археології. Киев, 2002. С.136-138.

89. Макаров Л.Д. О проблемах взаимодействия славяно-русского населения с народами Прикамья в I – первой половине II тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2002. С.152-172.

90. Макаров Л.Д. Прикамье на средневековых картах мира (XI-XVI вв.) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. Глазов, 2002. С.97-99.

91. Макаров Л.Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С.188-228.

92. Макаров Л.Д. Сельское население Вятской земли в конце XII-XV вв. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право: Российский научный междисциплинарный журнал. СПб.-Ижевск, 2002. №1. С.215-220.

93. Макаров Л.Д. Славяне в Прикамье: этапы заселения // Историческая демография русских Башкортостана. Доклады научно-практической конференции. Уфа, 2002. С.7-15.

94. Макаров Л.Д. Н.Г.Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края // Вестник ВГГУ. Киров, 2002. №6. С.65-70. (В соавторстве с Бердинских В.А.).

95. Макаров Л.Д. М.П.Грязнов – исследователь древней Вятки // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. межд. научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Спб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2002. Кн.І. С.52-54.

96. Макаров Л.Д. Прикамье в средневековых картографических материалах // Массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв.: Мат. XII Всероссийская конференция “Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв.: Проблемы изучения и издания”, посвященная памяти Василия Васильевича Крестинина (1729-1795). Архангельск: Правда Севера, 2002. С.190-195.

97. Макаров Л. Вольный характер: Русские поселенцы на реке Вятке // Родина. 2003. №12. С.40-43.

98. Макаров Л.Д. Древняя Вятка: от язычества к православию // Православие на Вятской земле: Материалы научно-практической конференции. Киров: ЦДОПШ, 2003. С.4-10.

99. Макаров Л.Д. Комплексное использование письменных и археологических источников – путь решения проблем русской колонизации Прикамья // Историк и его дело. Межвузовский сб. научных статей, посвященный 85-летию со дня рождения В.Е.Майера (1918-1985). Ижевск, 2003. С.316-320.

100. Макаров Л.Д. О.Н.Бадер и славяно-русские древности Волго-Уральского региона // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. 6-10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С.15-16.

101. Макаров Л.Д. Пермь Великая: проблемы возникновения и развития государственности // Материалы научно-практической конференции «Государственные органы власти и местное самоуправление». г.Соликамск, 2003. С.27-30.

102. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т.6. С.192-232.

103. Макаров Л.Д. Русское население юго-восточного Прикамья (по данным археологии) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2003. С.239-245.

104. Makarov L. The ancient Russian town Vyatka (Khlynov) by archaeological data // Art and archaeological investigation of the woodland of East Europe. Collection of scholarly works. Izhevsk, 2003. P.75-90.

105. Макаров Л.Д. Взаимодействие древнерусского населения с финно-угорскими народами Прикамья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004. С.137-142.

106. Макаров Л.Д. Вклад Удмуртской археологической экспедиции в исследования русских памятников Камско-Вятского междуречья // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Сб. ст.: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга Ижевск, 2004. С.100-112.

107. Макаров Л.Д. Вятская чужь и проблемы русской колонизации Прикамья // Герценка: Вятские записки: (Науч.-попул. альм.). Киров, 2004. Вып.6. С.46-51.

108. Макаров Л.Д. Дореволюционные исследователи Казани о славяно-русских древностях Прикамья и его колонизации // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сб. науч. докл. и сообщ., посвященных 200-летию Казанского университета. Ч.I. Казань, 2004. С.41-47.

109. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники земли Котельничской //Котельнич. История и судьбы. Избранные материалы краеведческих конференций (1995-2003 гг.). Котельнич, 2004. С.6-17.

110. Макаров Л.Д. Русские древности Вятского края в исследованиях М.Г. Худякова и их изучение на современном этапе // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С.128-133.

111. Макаров Л.Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н.э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье // Материалы конференции. Йошкар-Ола, 2004. С.116-125. (АЭМК, Вып.27).

112. Макаров Л.Д. Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г.Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Сб. ст. Ижевск, 2005. С.111-119.

113. Макаров Л.Д. Взаимодействие русского и удмуртского народов в эпоху средневековья (по археологическим материалам) // Удмурты. Сост. З.А. Богомолова. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2005. С.41-55. (Серия «Культурное наследие народов России»).

114. Макаров Л.Д. Русские археологические памятники на реке Чепце // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Глазов, 2005. С.130-131.

115. Макаров Л.Д. Этноопределяющие маркеры в археологии и проблема славяно-финского этнокультурного синтеза // Вестник Удмуртского университета. Серия "История". №7, 2005. С.124-135.

116. Макаров Л.Д. Финно-угорское население древнерусских городов Прикамья // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005. С.441-443.

117. Макаров Л.Д. В.Ф.Генинг и славяно-русские древности Прикамья // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения В.Ф.Генинга). Екатеринбург, 2005. С.237-242.

118. Макаров Л.Д. Золотоордынские материалы Вятской земли // Труды Международных нумизматических конференций: Монеты и денежные обращения в монгольских государствах XIII – XVвв. (I МНК – Саратов 2001. II МНК – Муром 2003). М.: Нумизматическая Литература, 2005. С.35-40.

119. Макаров Л.Д. Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции. Ижевск, 2006. С.325-330.

120. Макаров Л.Д. Прикамье на средневековых географических картах немецких авторов // Российские немцы: история и современность: Материалы научно-практической конференции. Ижевск, 2006. Вып.5. С.121-133.

121. Макаров Л.Д. Проблемы адаптации славян в финно-угорском мире Прикамья в X-XVI вв. // Коммуникативная природа человека (Первые Петраковские чтения). Материалы Российской научно-теоретической конференции. 31 января 2006 г. Ижевск, 2006. С.92-94.

122. Макаров Л.Д. Проблемы возникновения и развития государственности на Вятке в XII-XV веках // Состояние и перспективы развития юридической науки: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Удм. гос. ун-та. 30-31 марта 2006 г. Ижевск: Детектив-информ, 2006. Ч.3. С.218-224.

123. Макаров Л.Д. Проблемы древнерусской колонизации Прикамья // Современные проблемы археологии России: Сб. научных тр. Новосибирск, 2006. Т.II. С.146-147.

124. Макаров Л.Д. Ранние славяне (праславяне) и Прикамье в I тыс. н.э.: межэтнические взаимодействия (современное состояние проблемы) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции. Ижевск, 2006. С.322-325.

125. Макаров Л. Связи Вятской земли в XII-XV вв. по археологическим материалам // Finno-Ugrica, Казань, 2006. №9. 2005-2006. С.131-149.

126. Макаров Л. Население Вятско-Камского края в болгарское время // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С.378-394. (В соавторстве с Белых С.)

127. Макаров Л.Д. Русское жилище Вятского края XII-XIX веков (по данным археологии) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов. Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука». 2006. С.11-16.

128. Макаров Л.Д. Древнерусская колонизация Прикамья: проблемы, поиски, решения // Вестник ИжГТУ. Ижевск, 2006. №4. С.107-109.